Безмолвие девушек

Автор:
Пэт Баркер

Безмолвие девушек

Пэт Баркер

Глазами женщины. Античный триллер

Все знают сказание о Троянской войне, когда огромная армия греков осадила Трою, чтобы отбить у вероломных чужаков похищенную ими царицу Елену – а заодно поживиться несметными богатствами, хранившимися за стенами города. В войне приняло участие множество великих героев, главным из которых был Ахилл – сияющий, несравненный, богоравный. В конце войны он пал жертвой предательства и коварства, однако обессмертил свое имя в веках… Но так ли гладко все было на самом деле? Лучше всего об этом знала троянская царевна Брисеида, захваченная Ахиллом во время одного из греческих набегов и ставшая его рабой и наложницей. И вот ее рассказ – о ненависти, ужасе, безысходности, лишениях, смирении… и любви.

Пэт Баркер

Безмолвие девушек

– Известно ли вам, с чего началась европейская литература? – спрашивал он на первом занятии. – С распри. Вся европейская литература зародилась из ссоры. – Затем раскрывал том «Илиады» и читал вслух первые строки: – «Гнев, богиня, воспой Ахилла, Пелеева сына… С оного дня, как, воздвигшие спор, воспылали враждою пастырь народов Атрид и герой Ахилл благородный». И что же рассорило двух могучих, неистовых мужей? Как простые выпивохи в кабаке, повздорили из-за бабы… Вернее, из-за девчонки. Которую умыкнули от отца и сделали военным трофеем.

Филип Рот. Людское клеймо

© Прокуров Р.Н., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть I

1

Ахилл великий, Ахилл сиятельный, Ахилл богоравный… Нет числа хвалебным эпитетам. Мы к подобным словам никогда не обращались. Мы просто звали его «жнецом».

Ахилл быстроногий. Это уже интереснее. Не благородство и величие – имя ему, прежде всего, создало его проворство. Существует легенда, будто он преследовал Аполлона по долине Троады. Загнанный в угол, тот в конце концов сказал: «Ты не можешь убить меня, я бессмертен». «Да, – ответил Ахилл. – Но мы оба знаем, что, если б не твое бессмертие, ты был бы мертв».

Последнее слово всегда оставалось за ним, даже перед лицом бога.

* * *

Я услышала его задолго до того, как увидела. Его боевой клич разносился под стенами Лирнесса.

Женщинам – и детям, само собой, – повелели укрыться в башне, взять с собой сменную одежду и столько еды и питья, сколько получится унести. Как приличествует благородной замужней женщине, я редко покидала дом –

впрочем, чтобы не лукавить, домом я называю дворец, – и пройти по улицам вот так, среди бела дня, было для нас сродни празднику. Почти. За всеобщим смехом, радостными возгласами и шутками, думаю, мы все были напуганы. Я, во всяком случае, была. Все мы знали, что наших мужей оттесняли. Если вначале бой кипел на берегу и вокруг гавани, то теперь они сражались у самых ворот. Мы слышали крики, звон мечей о щиты – и знали, что ждало нас, если город падет. И все же мы не ощущали опасности. Мне она казалась словно нереальной, и сомневаюсь, что другие осознавали ее. Разве могут пасть эти высокие стены, защищавшие нас все эти годы?

Отовсюду, по узким улочкам, женщины сходились на главной площади, несли детей на руках. Безжалостное солнце, иссушающий ветер – и вот длинная тень башни протянулась к нам, чтобы принять внутрь. Я шагнула с яркого света в полумрак и, на мгновение ослепленная, споткнулась. Простые женщины и рабыни собирались внизу; те же, кто происходил из знатных домов и царской семьи, занимали верхний уровень. Бесконечно долго поднимались мы по спиральной лестнице, с трудом находя опору на узких ступенях, и так один виток следовал за другим, пока в конце концов перед нами вдруг не открылось широкое, голое пространство. Пол был исчерчен стрелками света, падающего сквозь узкие окна, но по углам лежали тени. Оглядываясь, мы стали неспешно выбирать места, чтобы устроиться и разложить вещи, пытаясь создать какое-то подобие уюта.

Поначалу было прохладно, но, по мере того как поднималось солнце, становилось жарко и душно. Нечем было дышать. За пару часов запах потных тел, молока, детских экскрементов и менструальной крови стал просто невыносим. Дети начинали капризничать из-за жары. Матери укладывали младенцев на простыни и обмахивали, в то время как старшие носились вокруг, перевозбужденные, не вполне осознавая происходящее. Несколько мальчишек, десяти или одиннадцати лет – еще слишком юные, чтобы сражаться, – заняли верхние ступени и воображали, будто отбрасывают захватчиков. Женщины, измученные жаждой, то и дело переглядывались, но разговаривали мало. Между тем крики снаружи становились громче; последовали гулкие удары по воротам. Снова и снова разносился этот боевой клич, и человеческого в нем было не больше, чем в волчьем вое. Наверное, впервые матери сыновей позавидовали тем, у кого рождались дочери, ибо девочкам сохраняли жизнь. Мальчиков, по возрасту способных взяться за оружие, обычно убивали. Иногда убивали даже беременных женщин – пронзали живот копьем, дабы исключить возможность рождения мальчика. Я заметила, как Исмена, четвертый месяц беременная от моего мужа, обхватила руками живот и убеждала себя, что беременность

останется незамеченной.

В последние дни я часто ловила на себе ее взгляд – Исмены, которая вообще-то не решалась смотреть мне в глаза, – и его выражение говорило красноречивее любых слов. Теперь твой черед. Посмотрим, как это тебе понравится. Меня мучил этот дерзкий, немигающий взгляд. Я выросла в семье, где к рабам относились с добротой, и когда отец выдал меня за царя Минеса, я продолжила эту традицию в собственном доме. Я была добра к Исмене или, по крайней мере, думала так. Но, быть может, между хозяевами и рабами и не бывает теплых чувств, а есть лишь градация грубости? Я взглянула на Исмену и подумала: «Да, ты права. Настал мой черед».

Никто не заговаривал о поражении, но иного исхода мы не ждали. Разве что одна старуха, двоюродная бабка моего мужа, уверяла, что это отступление к воротам – лишь тактическое ухищрение. Минес, по ее словам, просто поддавался им, чтобы запутать и заманить в ловушку. Наши мужи одержат верх и оттеснят алчных греков в море. И, думаю, некоторые из молодых женщин даже поверили ей. Но этот боевой клич раздавался снова и снова, и с каждым разом все ближе. И все мы знали, кто это, хотя никто не произносил его имени.

Тяжелое предчувствие разливалось в воздухе. Матери обнимали дочерей, почти взрослых, но еще не зрелых для брака, – ведь девочек младше десяти лет не щадили. Ко мне наклонилась Рица.

– Что ж, по крайней мере, мы уже не девственницы.

Она осклабилась, так что стали видны прорехи в зубах. Рица выносила столько детей – и ни одного не произвела на свет живым. Я кивнула и заставила себя улыбнуться, но ничего не сказала.

Я беспокоилась о свекрови – она предпочла остаться во дворце, иначе пришлось бы переносить ее в паланкине. Я беспокоилась, и это раздражало меня больше всего. Будь она на моем месте, то даже не вспомнила бы обо мне. Вот уже год, как ее терзала эта болезнь: живот у нее распух, и плоть сходила с костей. В конце концов я решила сходить к ней, хотя бы убедиться, что у нее достаточно питья и пищи. Рица хотела пойти со мной – уже поднялась на ноги, – но я покачала головой:

– Я ненадолго.

На улице я вдохнула полной грудью. Даже в этот миг, когда мир готов был треснуть и обрушиться на меня, я чувствовала облегчение, вдыхая чистый воздух. Пыльный и раскаленный, он обжигал мне горло, но я ощущала его свежесть после спертой атмосферы на верхнем уровне башни. Кратчайший путь ко дворцу пролегал через главную площадь, но я видела стрелы, разбросанные в пыли, и прямо на моих глазах одна стрела перелетела через стену и вонзилась в кучу грязи. Нет, лучше не рисковать. Я побежала по проулку, настолько тесному, что дома почти заслоняли свет. Достигнув стен дворца, вошла через боковые ворота. Должно быть, слуги оставили их незапертыми, когда бежали. Справа в стойлах фыркали лошади. Я пересекла внутренний двор и поспешила по коридору в главный зал.

Просторный, с высокими сводами зал царя Минеса казался мне чужим. Впервые я вошла сюда в день свадьбы, уже с наступлением темноты, в окружении мужчин с факелами. Меня доставили из отцовского дома в паланкине. Минес с матерью, царицей Мэрой, ждали, чтобы принять меня. Его отец умер годом раньше, у него не было братьев, и ему необходимы были наследники. Поэтому он брал жену, будучи намного раньше того возраста, когда мужчины вступают в брак. Впрочем, я не сомневалась, что он уже опробовал кое-кого из женщин во дворце – и, возможно ради забавы, пару юношей из конюшен. Могу представить его разочарование, когда я наконец сошла с паланкина и прислужницы сняли с меня вуаль: маленькая и худая, с большими глазами, гривой пышных волос – и ни единого заметного глазу изгиба. Несчастный Минес… Для него идеал девичьей красоты воплощала женщина до того полная, что если шлепнуть ее по ягодице утром, то рябь не стихала бы до полудня. Но он старался как мог – каждую ночь на протяжении долгих месяцев тужился между моих тонких ног с усердием ломовой лошади в упряжке. Однако, так и не сумев зачать ребенка, потерял ко мне интерес и вернулся к своей первой любви, женщине с кухни. С присущей рабам помесью мягкости и дерзости она приняла его в свою постель, когда ему было всего двенадцать.

Еще в тот первый день, едва взглянув на царицу Мэру, я поняла, что противостояние неизбежно. И оно вылилось в настоящую войну. К восемнадцати годам я уже была ветераном затяжных и тяжелых кампаний. Минес, казалось, совершенно не ощущал напряженности, но я давно подметила, что мужчины на удивление слепы к женской агрессии. Они – воины, в шлемах и доспехах, сражаются копьями и мечами; и им неведомы наши битвы. Или они

предпочитают не замечать их. Быть может, они позабудут душевный покой, если осознают, что мы – не те кроткие создания, каковыми нас привыкли считать?

Все изменилось бы, если б я только родила – сына, конечно же. Но за первый год я так и не ослабила пояса, и в конце концов Мэра, отчаявшись дождаться наследника, стала показывать на мои узкие бедра и открыто насмехаться. Уж не знаю, чем бы все закончилось, если б не эта болезнь. Возможно, она выбрала бы наложницу из какой-нибудь правящей семьи. И эта женщина, не будучи даже законной супругой, стала бы царицей во всем, за исключением титула. Но в конечном итоге живот начал расти у самой Мэры. Она была еще достаточно молода, чтобы породить повод для сплетен. От кого он? Этот вопрос занимал всех. Ведь она покидала дворец лишь ради того, чтобы вознести молитвы у гробницы мужа! Но потом у нее пожелтела кожа, она стала терять в весе и почти не выходила из своих покоев. Без ее участия переговоры о шестнадцатилетней наложнице зашли в тупик и оказались забыты. Я увидела в этом свой шанс и ухватилась за него. Вскоре все придворные, преданные Мэре, склонились передо мной. И дела во дворце шли ничуть не хуже, чем при ней. Во всяком случае, более упорядоченно…

Я так и стояла там, вспоминая все это, представляла себе зал, обычно полный шума: голоса, звон посуды, топот ног. Сейчас же он простирался вокруг меня, глухой как гробница. Конечно, от крепостных стен по-прежнему долетал грохот битвы, но этот шум походил скорее на жужжание редких пчел теплым вечером и лишь усиливал тишину.

Мне хотелось остаться в этом зале, а еще лучше – пройти во внутренний двор и сесть под любимым деревом. Но я понимала, что Рица будет тревожиться, и потому медленно поднялась по ступеням и прошла по главному коридору к покоям Мэры. Я приоткрыла дверь, послышался скрип. Комната была погружена в полумрак. Мэра наглухо завесила окна: возможно, свет резал ей глаза, а может, она хотела скрыть свою наружность от глаз, я не знаю. Прежде она была очень красивой – и еще пару недель назад я заметила, что превосходное бронзовое зеркало, составлявшее часть ее приданого, пропало из виду.

Мэра шевельнулась в постели и повернула ко мне свое бледное лицо.

– Кто там?

– Брисеида.

Лицо мгновенно отвернулось. Не это имя она надеялась услышать. Теперь Мэра прониклась любовью к Исмене, которая, возможно, носила ребенка от Минеса. Может, так оно и было. Впрочем, при той жизни, какую ведут рабы, зачастую сложно определить, кто настоящий отец. Но в последние месяцы отчаяния этот ребенок вселял в Мэру надежду. Да, Исмена была рабыней, но рабам можно даровать свободу, и если б у нее родился мальчик…

Я шагнула в комнату.

– У тебя есть все что нужно?

– Да. – Она ответила без раздумий, лишь бы я поскорее удалилась.

– Достаточно питья?

Мэра бросила взгляд на небольшой стол. Я обошла кровать и взяла кувшин, почти полный. Налила ей большую чашу, после чего направилась с кувшином к большому сосуду в дальнем углу. Теплая, стоялая вода с пленкой пыли на поверхности. Я погрузила кувшин в сосуд и вернулась к кровати. Четыре узкие полоски света пересекали пурпурный ковер у меня под ногами, довольно яркие, чтобы резало глаза. Но над постелью нависала густая тень.

Мэра с трудом приподнялась, и я поднесла чашу к ее губам. Она стала жадно пить, и горло ее вздрагивало при каждом глотке. В какой-то момент она откинула голову, и я попыталась забрать чашу, но услышала слабый протестующий стон. Когда Мэра наконец-то напилась, она изящно вытерла губы уголком вуали. Я чувствовала, что рассердила ее, потому что увидела, насколько же она беспомощна.

Я стала поправлять подушки под ее головой. Когда Мэра наклонялась вперед, позвоночник прямо-таки просвечивал сквозь восковую кожу; казалось, можно вынуть из нее хребет, как из вареной рыбины. Я осторожно уложила Мэру на подушки, и она удовлетворенно вздохнула. Пока я расправляла простыни, каждая складка источала запах старости и болезни. И, как мне показалось, запах мочи. Я рассердилась. Меня переполняла ненависть к этой женщине, и не без причины. Я вошла в ее дом четырнадцатилетней девочкой, лишенной

материнских наставлений. Она могла принять меня с теплом, но не приняла. Могла помочь мне освоиться, но не стала этого делать. Я не имела причин любить ее, но в тот миг меня злило, что, превращаясь в ссохшийся, морщинистый мешок с костями, Мэра лишала меня повода для ненависти. Да, я победила, но это была пустая победа – и не только потому, что Ахилл громил ворота Лирнесса.

– Хочу, чтобы ты сделала кое-что для меня. – Ее голос звучал высоко, ясно и холодно. – Видишь тот сундук?

Я видела его очертания. Продолговатый дубовый короб грузной тенью занимал дальний угол комнаты.

– Ты должна достать кое-что.

Я подняла крышку и почувствовала затхлый запах перьев и лежалых трав.

– Что же я должна найти?

– Нож. Нет, он не наверху, поглубже… Видишь его?

Я обернулась. Мэра устремила на меня твердый, немигающий взгляд.

Нож лежал среди белья, между третьим и четвертым пластами. Я вынула его из ножен, и острое лезвие блеснуло в моей руке. Я ожидала увидеть небольшой, богато украшенный клинок, какими вельможные женщины обычно нарезают себе мясо. Но это оказался скорее церемониальный кинжал – принадлежавший, вероятно, супругу Мэры. Я вернулась к постели и вложила его Мэре в ладонь. Она взглянула на клинок, провела рукой по инкрустированной камнями рукояти. Я задумалась на мгновение, как бы отреагировала, если б она вдруг попросила убить ее. Но нет, Мэра лишь вздохнула и положила нож рядом с собой. Затем устроилась поудобнее на подушках и спросила:

– Ты что-нибудь слышала? Знаешь, что там сейчас происходит?

– Нет. Знаю только, что они у самых ворот.

Жалко было смотреть на нее, старую женщину – а болезнь превратила ее в старуху, – в страхе ожидавшую вести о гибели ее сына.

– Если я что-то услышу, то обязательно дам знать…

Она кивнула, отпуская меня. В дверях я помедлила и оглянулась, но Мэра уже отвернулась.

2

Когда я вернулась, Рица купала больного ребенка. Чтобы добраться до нее, мне пришлось перешагнуть несколько спящих женщин.

Она заметила мою тень и обернулась.

– Как она?

– Плохо. Ей недолго осталось.

– Может, оно и к лучшему…

Рица смотрела на меня пытливым взглядом. Наша с Мэрой вражда была общеизвестна. Я сказала, словно в оправдание:

– Она могла пойти с нами. Мы могли перенести ее. Она сама не захотела.

Ребенок захныкал, и Рица убрала волосы с его потного лба. Его мать находилась рядом, но была занята капризным младенцем. Малютка хотел есть, но отказывался брать грудь. Я задумалась, насколько тяжелее смотреть в будущее, если нести ответственность еще и за других. Я несла груз лишь собственной жизни и, глядя на эту измученную женщину, чувствовала себя свободной – и одинокой. Потом мне пришло в голову, что между людьми может быть и иная связь. Да, я была бездетна – однако чувствовала себя ответственной за всех женщин и детей в этом зале, не говоря уже о рабах, теснящихся на нижнем

уровне.

Становилось все жарче, и многие из женщин улеглись и пытались уснуть. Кое-кому и в самом деле удалось задремать, и на какое-то время зал наполнился храпом и сиплым дыханием. Но в большинстве своем женщины лежали, безучастно глядя в потолок. Я закрыла глаза и слушала, как кровь стучит в висках. Затем снова раздался боевой клич Ахилла, на этот раз так близко, что некоторые из женщин резко сели и теперь испуганно оглядывались. Мы все знали, что близится наш конец.

Спустя час, услышав грохот и треск ломаемого дерева, я взбежала по лестнице на крышу и перегнулась через парапет. Греки уже лезли через пролом в воротах. Я видела переплетение рук и плеч, но наши воины еще пытались оттеснить врага обратно за стены. Вскоре площадь, на которой в иные дни мирно торговали земледельцы, оказалась вытоптанной и обагрилась кровью. По не ясной мне причине в рядах сражающихся то и дело возникала брешь, и в один из таких моментов я увидела Ахилла в шлеме, увенчанном гребнем. Он устремил взгляд к лестнице дворца, где стояли Минес и мои старшие братья. Затем я увидела, что Ахилл пробивается к ним. Когда он добрался до лестницы, стражники сбежали вниз и попытались преградить ему путь. Ахилл вонзил одному из них клинок в низ живота. Кровь вперемешку с мочой хлынула на ступени, но на лице стражника не отразилось и тени страдания. Он лишь мягко, как мать новорожденного младенца, держал свои внутренности. Я видела рты, раскрытые, как алые цветы, но не слышала криков. Шум битвы накатывал и снова отдалялся, по временам совершенно затихая. Я впилась пальцами в парапет, так что ногти обломились о камни. В некоторые мгновения казалось, что время замерло. Мой младший брат, четырнадцати лет, едва ли в силах поднять меч своего отца, – я видела, как он умер. Видела, как блеснуло копье и как мой брат скорчился на камнях, будто заколотый поросенок. В этот миг Ахилл, словно все время мира было в его распоряжении, повернул голову и взглянул на башню. Он смотрел прямо на меня, или так мне показалось – помню, я даже отступила на шаг, – но солнце светило ему в глаза, и он не мог меня видеть. Затем Ахилл наступил моему брату на шею и с изяществом выдернул копье. Кровь ручьем потекла из раны. Долгую минуту мой брат пытался вдохнуть, после чего затих, и отцовский меч выпал из ослабевшей руки.

Ахилл между тем двинулся дальше, за следующей жертвой, и следующей. В тот день он убил шестьдесят человек.

Самая ожесточенная схватка развернулась на ступенях дворца. Мой супруг, бедный, неразумный Минес, отважно защищал свой город. А ведь до того дня это был слабый, бесхребетный и неотесанный мальчишка. Он умер, пронзенный копьем Ахилла, вцепившись обеими руками в древко, как будто его пытались отнять у него; на лице застыло искреннее удивление. Два моих старших брата погибли рядом с ним. Не знаю, как умер третий из моих братьев, но так или иначе, у ворот либо на ступенях, его настигла смерть. В первый и последний раз я возрадовалась, что моей матери нет в живых.

Все мужчины погибли в тот день, сражаясь у ворот или на ступенях дворца. Тех, кто был слишком стар, чтобы держать оружие, вытаскивали из домов и резали. Я видела, как Ахилл, забрызганный кровью с головы до пят, положил руку на плечо молодому мужчине и ликующе смеялся. Его копье волочилось за ним, оставляя борозду на обагренной земле.

Все произошло в считаные часы. К тому времени, когда тени пролегли над площадью, на ступенях перед дворцом высились кучи тел. Еще примерно час греки были заняты тем, что преследовали уцелевших воинов и обыскивали дома и сады, где могли укрыться раненые. Когда убивать стало некого, они принялись грабить. Подобно колоннам муравьев, мужчины по цепочке передавали трофеи и складывали у ворот, чтобы затем погрузить на корабли. Чтобы хватило места, они оттащили мертвых в сторону, под стены башни. Возле тел, принюхиваясь и истекая слюной, уже собирались собаки; их узкие нескладные тени черными контурами ложились на белые камни. Налетели вороны. Подобно черному снегу, они устилали крыши домов и стены, рассаживались по дверным и оконным проемам. Крикливые поначалу, птицы вскоре притихли. И стали ждать.

Греки разбились на группы, и теперь расхищение пошло более слаженно. Они тащили резную мебель, свертки дорогой материи, гобелены, доспехи, треноги, утварь, бочки с вином и зерном. То и дело мужчины садились передохнуть, кто-то на земле, а другие – на креслах или кроватях, которые несли. Они пили вино прямо из кувшинов, утирали рты окровавленными руками и неизбежно пьянели. И все чаще, по мере того как садилось солнце, поглядывали на узкие окна башни, где, как они знали, прятались женщины. Командиры обходили воинов, поднимали их на ноги, подгоняли, и те допивали вино и один за другим возвращались к делу.

Четыре часа я смотрела, как греки обчищали дома и храмы, забирая все то, что мой народ копил поколениями. И при этом они действовали так обстоятельно,

так умело… Так, если стая саранчи налетит на поле, можно и не надеяться, что они оставят после себя хотя бы один колосок. Я беспомощно наблюдала, как враги дочиста разграбили дворец, мой дом. К тому времени многие женщины присоединились ко мне у парапета, но мы были слишком напуганы и охвачены горем, чтобы говорить. Когда брать стало уже нечего, пришел черед пьянства. На площадь выкатили несколько громадных бочек, и кувшины пошли из рук в руки…

А после они обратили взоры к нам.

* * *

Рабынь первыми выволокли из башни. По-прежнему стоя у парапета, я видела, как несколько мужчин насиловали женщину и, дожидаясь своей очереди, беззаботно разделяли кувшин вина. Два ее сына – лет по двенадцать-тринадцать – умирали от ран в нескольких шагах от нее, но были при этом недосягаемы. Несчастная тянула к ним руки и звала по именам, пока оба не испустили дух. Я отвернулась, не в силах смотреть дальше.

Между тем все женщины поднялись на крышу и сбились в кучу; девочки жались к своим матерям. С лестницы уже доносился смех греческих воинов. Арианна, моя двоюродная сестра по материнской линии, взяла меня за руку, и взгляд ее говорил: «Идем». После чего она взобралась на парапет и в тот самый момент, когда греки высыпали на крышу, бросилась вниз. В белой развевающейся тунике, она летела как опаленный мотылек. Казалось, минула целая вечность, прежде чем Арианна ударилась о камни, хотя все произошло в считаные секунды. Ее крик резко оборвался, и в гнетущей тишине я медленно выступила вперед и встала перед захватчиками. Они уставились на меня, внезапно оробев, словно щенята, не знающие, что делать с пойманным кроликом.

Затем появился седовласый мужчина и представился Нестором, царем Пилоса. Он церемонно поклонился, и я поняла, что в последний раз кто-то смотрит на меня и видит во мне царицу Брисеиду.

– Тебе нечего бояться, – сказал он. – Никто тебя не тронет.

Я была готова рассмеяться. Мальчиков, которые играли в защитников лестницы, давно оттащили прочь. Другой мальчишка, на год или два старше, но неразвитый для своих лет, жался к материнской юбке, пока кто-то из воинов не наклонился и не разжал его пухлые пальцы. Мы слышали его вопли «Мамочка, мамочка!» все время, пока его стаскивали по лестнице. После чего голос его смолк.

Я бесстрастно смотрела на Нестора и думала: «Я возненавижу тебя до своего последнего вздоха».

* * *

Все последующее словно подернуто пеленой. Но кое-что еще пробуждается в памяти и по-прежнему ранит подобно кинжалам. Нас согнали в кучу и при свете факелов повели узкими проулками нашего города. Наши слитые тени резко вырастали по белым стенам и растворялись в темноте. Мы миновали обнесенный оградой сад, и в теплом ночном воздухе витал аромат мимоз. Позднее, когда другие воспоминания изгладились, я еще чувствовала этот запах, и он терзал мне душу, напоминая обо всем том, что у меня отняли. Затем аромат рассеялся, и мы снова держались друг за дружку, молча скользя по аллеям, усеянным телами наших братьев.

И так до самого побережья. Перед нами раскинулось темное неспокойное море, и волны творожно-белыми брызгами разбивались о греческие корабли. Пуская в ход древки копий, нас загнали по приставным лестницам на борт, и мы сбились в кучу на палубе. Трюмы были набиты более уязвимым грузом. Мы в последний раз посмотрели на Лирнесс. Многие дома и храмы были объяты пламенем, пылало одно крыло дворца. Оставалось надеяться, что Мэра все же нашла в себе силы, чтобы убить себя прежде, чем до нее добрался огонь.

Загремели якорные цепи; корабли один за другим выходили в море. Едва мы вышли из гавани, предательский ветер наполнил паруса и понес нас прочь от дома. Мы столпились у борта и пожирали глазами пылающий город. Уже за то время, что мы пробыли на кораблях, пожар заметно разросся. Я думала о кучах трупов, сваленных на рыночной площади, и надеялась, что пламя пожрет их прежде собак. Но, о чем бы я ни думала, мне неизменно представлялись тела моих братьев, разорванные и растасканные по улицам. Какое-то время собаки будут еще огрызаться на ворон, что кружат над ними, и крупных, нескладных

стервятников, ожидающих своей очереди. То и дело птицы будут разом вспархивать в воздух и медленно опускаться, как обугленные клочья материи и останки гобеленов, что украшали стены дворца. Потом собаки нажрутся до колик и улизнут из города, прочь от бушующего пожара, – и тогда уж наступит черед птиц.

* * *

Плавание было недолгим. Палуба качалась под ногами, и мы жались друг к другу, ища утешения. Многих женщин и почти всех детей тошнило – от качки и, полагаю, от ужаса. Но очень скоро мы повернули, и корабль вошел, рыская против течения, под защиту необъятной гавани.

Неожиданно последовали выкрики, команды, и вот мужчины уже швартовались – один из канатов скользнул поперек палубы и стеганул меня по ногам – или спрыгивали в море и по пояс в воде, преодолевая пенистые волны, шли к берегу. Мы так и держались друг за друга, в страхе перед тем, что нас ожидало. Когда корабль поворачивал, волна перехлестнула через борт, и мы вымокли и дрожали от холода. Корабль направили на отмель, и воины целыми группами спрыгивали в воду, чтобы вместе оттащить его от линии прилива. Затем нас по очереди переправили на сушу. Я обвела взглядом гавань и увидела сотни черных кораблей с хищно загнутыми носами. Больше, чем я когда-либо видела в своей жизни, – больше, чем могла вообразить. Когда все оказались на суше, нас погнали по берегу, через открытое пространство к рядам хижин. Рядом со мной шла юная девушка с черными волосами. Она была очень красива – если б только лицо ее не отекло от слез. Я прихватила ее за голое плечо и сжала. Девушка повернулась и уставилась на меня в изумлении. Я сказала:

– Не плачь.

Она продолжала таращиться на меня, и я повторила:

– Не плачь.

Нас построили перед хижинами и осмотрели. Двое мужчин обходили ряды женщин, приподнимали кому-то губу или оттягивали веки; другим давили на живот, сжимали грудь, запускали руку в промежность. При этом они

переговаривались лишь между собой. Я поняла, что нас оценивали ради справедливого дележа. Некоторых оттирали и толкали в одну из хижин, а других уводили. Рица была в числе последних. Я попыталась удержать ее, но нас растащили. В хижине нам дали воды и хлеба, оставили бадью для отправления нужд и закрыли дверь на засов.

В хижине не было окон, но скоро глаза привыкли к темноте, и сквозь щели между досками проникало достаточно света от луны, так что мы могли видеть лица друг друга. Нас осталось совсем немного, лишь молодые женщины и девочки, красивые и здоровые на вид; некоторые держали у груди младенцев. Я огляделась в поисках Исмены, однако ее среди нас не оказалось. Нагретый спертый воздух, плач младенцев и, с течением времени, вонь из бадьи, которую нам пришлось использовать. Кажется, я вообще не сомкнула глаз той ночью.

Утром те же двое мужчин просунули в дверь охапку туник и велели нам одеться. Наша одежда, вымокшая после плавания, была перепачкана и измята, и мы стали послушно переодеваться. Пальцы не слушались, и приходилось возиться с каждой застежкой. Одна девочка, лет двенадцати или тринадцати, не больше, заплакала. Как мы могли утешить ее? Я погладила ее по спине и прижала к себе мокрое, разгоряченное лицо.

– Все будет хорошо, – сказала я, хоть и знала, что хорошо не будет.

Меня вывели первой. С четырнадцати лет я не выходила из дому без вуали и свиты, так что опустила глаза и уставилась на пряжки сандалий, отливающих на солнце. Последовали крики одобрения. Эй, вы только посмотрите на эти грудки! В основном добродушные замечания, но кое-кто кричал, в жутких красках расписывая, что сделал бы со мной и всеми троянскими потаскухами.

Появился Нестор. Это был старец семидесяти лет, не меньше. Он приблизился и заговорил чванливо, но без злобы:

– Не вспоминай о прежней жизни, это все в прошлом. Будет только хуже, если ты станешь раздумывать о ней. Забудь! Теперь это – твоя жизнь.

Забудь. И это было моим первым долгом, просто и ясно, как небо над головой. Помни.

Я закрыла глаза. Яркий свет окрасил мои веки оранжевым с пурпурными линиями. Крики вдруг стали громче: «Ахилл! Ахилл!» Затем поднялся гул, и я поняла, что он рядом. Вой, хохот, шутки, которые звучали как угрозы, да и были таковыми. Я была коровой, приведенной на заклание, – и поверьте, в тот миг смерть казалась мне желанной. Я закрыла уши руками и, собрав остатки сил, вернулась мысленно в Лирнесс. Прошла в неразрушенные ворота, вновь увидела дворцы и храмы, оживленные улицы, женщин, стирающих белье у колодца, крестьян, раскладывающих на рынке овощи и фрукты… Я заново отстраивала сожженный город, заселяла улицы; вернула к жизни моих братьев и супруга – и улыбнулась той изнасилованной женщине, идущей через площадь с невредимыми сыновьями… Это сделала я. Стоя посреди орущей толпы, я оттеснила их прочь с арены, к берегу и на корабли. Я, в одиночку. Отправила хищные корабли обратно домой…

И еще громче: «Ахилл! Ахилл!» Самое ненавистное из всех греческих имен. И вновь я увидела, как он остановился, пригвоздив моего брата к земле, и посмотрел на башню – как будто прямо на меня, – после чего вновь повернулся к нему и неторопливо и хладнокровно, даже с изяществом, выдернул копье из его шеи.

«Нет», – подумала я. И тихими, тенистыми улицами направилась с площади к дворцу, миновала ворота и шагнула в полумрак тронного зала – зала, в который я впервые вошла в день свадьбы. Оттуда сразу двинулась к своему любимому месту. Во внутреннем дворе росло дерево с раскидистыми ветвями, и даже самым знойным днем оно давало тень. Я любила сидеть там вечерами, слушать музыку, доносящуюся из зала. Звуки лиры и флейт разливались в ночном воздухе и смывали с меня все заботы прожитого дня. Вот и теперь я была там, смотрела, запрокинув голову, на дерево и луну, пойманную, как блестящая серебристая рыба, в сети чернеющих ветвей…

Чья-то рука, с пальцами, шершавыми от песка, взяла меня за подбородок и повернула в одну сторону, потом в другую. Я попыталась открыть глаза, но солнце жгло так сильно, и когда я наконец заставила себя разжать веки, он уже отошел. Встал посреди арены, поднял руки над головой, дождался, пока смолкнут крики, и произнес:

– Молодцы. Сойдет.

И все, каждый мужчина, что стоял на той выжженной площадке, все рассмеялись.

3

Неожиданно появились два стража и повели меня к хижине Ахилла. Слово «хижина», вероятно, дает неверное представление. Это было основательное строение, можно сказать, небольшой дом, с верандой по двум сторонам и лестницей, ведущей к главному входу. Меня провели по широкому коридору в крошечную комнатку без окон и просто оставили там сидеть. Я опустилась на кровать; меня трясло от холода и шока. Через какое-то время я осознала, что глажу рукой по шерстяному покрывалу, и заставила себя изучить его. Затейливый узор из листьев и цветов, очень тонкая работа, скорее всего, троянских мастериц – греческие ткани не шли ни в какое сравнение с нашими. Я задумалась, в каком из городов его добыли.

Где-то рядом гремели тарелки и подносы. В комнату тянуло запахом жареного мяса. У меня свело желудок, я ощутила привкус желчи и заставила себя сглотнуть, потом несколько раз глубоко вздохнула. На глазах выступили слезы, горло саднило. Вдох-выдох, вдох-выдох, ровно и глубоко…

Послышались тяжелые шаги, и дверь начала открываться. У меня пересохло во рту.

Вошел высокий мужчина. Не Ахилл. В руках у него был поднос с едой и вином.

– Брисеида? – спросил он.

Я кивнула. Хотя в тот миг ощущала себя вещью, у которой не может быть имени.

– Патрокл.

При этом он указал на себя, как будто я не вполне понимала его. Впрочем, я не могла винить его, потому как сидела с видом тупого мула. Но имя это было мне знакомо. Война тянулась довольно долго, и мы немало узнали о вражеских

полководцах. Это был ближайший соратник Ахилла, второй после него человек. Хотя это вовсе не объясняло, с чего бы столь могущественному господину прислуживать рабыне.

– Выпей, – сказал Патрокл. – Тебе станет лучше.

Он щедро налил вина и протянул мне кубок. Я приняла его и для вида поднесла к губам.

– Здесь тебя никто не тронет.

Я уставилась на него, подмечая каждую деталь в его внешности – высокий рост, распущенные волосы, перебитый нос, – но не смогла выдавить ни слова. В конце концов он криво улыбнулся, поставил поднос на стол и вышел.

Поесть мне не удалось. Я долго пережевывала кусочек мяса, после чего сплюнула его на ладонь и спрятала под ободом тарелки. Сначала я решила, что с вином тоже не справлюсь, но сделала над собой усилие и все выпила. Уж не знаю, помогло ли оно, – может, и помогло. Вино оказалось крепким, и от такого количества, выпитого на пустой желудок, во рту и в носу все онемело – а тело я и так не чувствовала.

Из-за двери доносился гул мужских голосов, перекрывая все прочие звуки. Аромат жареной телятины стал ощутимее. Нашей телятины. Они угнали скот за три дня до того, как пал город. Так протянулся час. Все громче становились крики, чаще раздавался смех, звучали песни. Пение всегда оканчивалось грохотом по столу и взрывом одобрения. Где-то снаружи, кажется, в ночи заплакал ребенок.

В конце концов я встала и шагнула к двери. Она была незаперта. Впрочем, чего я ждала? С чего им утруждать себя? Все знали, что мне некуда идти. Я осторожно приоткрыла дверь, и шум сразу стал громче. Страшно было даже высунуться, но я чувствовала, что должна это увидеть. Узнать, что там происходит. Эта комнатка все больше напоминала склеп. Так что я прошла на цыпочках по короткому переходу, что вел в чертог, и заглянула в полумрак.

Моему взору открылась узкая, вытянутая комната с низкими потолками. Вдоль стен чадили закрепленные в скобах лампы. Воздух был напоен запахом хвои и

смолы. Два стола, установленные на козлах, тянулись по всей длине комнаты. Пирующие теснились на скамьях и толкались, подхватывая кинжалами куски красного мяса. Лица блестели в свете ламп, кровь и жир стекали по их подбородкам. По потолку метались, ложась одна на другую, искаженные тени. Даже там, стоя в дверях, я чувствовала запах пота, пролитого за день, еще свежего, но за этим духом угадывался смрад старого пота прошедших дней и ночей, уводящий в глубокое прошлое, к первым дням этой нескончаемой войны. Я была маленькой девочкой и еще играла в куклы, когда прибыли черные корабли.

Ахилл и Патрокл сидели за небольшим столом, лицом к наружной двери, ко мне спиной. Но я видела, как часто они смотрели друг на друга. Все были в прекрасном настроении, похваляясь своими подвигами в Лирнессе. Песни звучали одна за другой, в том числе песня про Елену, в которой каждый куплет был похабнее предыдущего. Когда ее допели, последовал взрыв хохота – и пауза. Тут Ахилл отодвинул тарелку и поднялся. Пирующие не сразу это заметили, но вскоре голоса стали затихать. Ахилл поднял руки и заговорил на их невнятном северном диалекте. Обычно я без труда воспринимала греческий, но поначалу его акцент казался мне совершенно неразборчивым. Кажется, он говорил нечто в том духе, что не хочет прерывать пир, НО…

Он шутил над собой и сам при этом смеялся. Мужчины улюлюкали и свистели. Потом кто-то выкрикнул за дальним концом стола:

– Мы-то знаем, почему тебе хочется пораньше в кровать!

Они принялись колотить по столам. Кто-то затянул песню, и все заревели в такт ударам:

Зачем родился он красавцем?

На что родился он вообще?

Никто не видит пользы в нем!

Он бестолковый сукин сын!

Пусть он для матери отрада,

Но язва в жопе для меня!

И всё в таком духе. Я забилась обратно в свою каморку и затворила дверь. Но пение продолжалось, и я снова приоткрыла ее, оставив маленькую щель, так что было видно другую комнату. Я туда пока не входила, но заметила пышные гобелены, бронзовое зеркало и, у дальней стены, кровать.

Через минуту или около того в коридоре послышались тяжелые шаги. Я подалась назад, хоть и сознавала, что меня не видно. Патрокл прошел в комнату, и сразу за ним – Ахилл, закинув руку на плечо другу. Во всем его облике виделись ликование и расслабленность. Еще один удачный набег, еще один город разрушен, мужчины и мальчики убиты, женщины и девочки угнаны в рабство – в общем и целом отличный день. А впереди еще и ночь.

Они собирались еще немного выпить – Патрокл уже взял кувшин в руки, – но затем Ахилл кивнул в сторону двери, у которой я стояла, и глаза его сверкнули.

Патрокл рассмеялся.

– О да, она там.

Я отступила назад и села на узкую кровать, стиснув кулаки, чтобы пальцы перестали дрожать. Попыталась сглотнуть, но во рту все пересохло. Еще через несколько секунд дверь распахнулась, и гигантская тень Ахилла заслонила свет.

4

Что я могу сказать? Он не был ни груб, ни жесток. Я ждала, даже рассчитывала на это – но ничего подобного. В постели Ахилл был столь же стремителен, как и в битве. Я не видела разницы – в ту ночь во мне что-то умерло.

Я ненавидела его, хотя Ахилл имел на меня полное право. Если б ему досталось в награду оружие великого правителя, он не успокоился бы, пока не опробовал его – подняв щит, взвесив в руке меч, несколько раз рубанув им воздух… Так он поступил и со мной. Опробовал меня.

Я твердо решила, что не усну. Я была измотана, но в то же время так напряжена и напугана, что не могла пошевелиться. Поэтому, когда Ахилл закончил и слез с меня, я просто лежала, глядя в темноту, неподвижная, как бревно. Когда я моргала, веки болезненно скребли по пересохшим глазам. Наверное, в какой-то момент я все-таки уснула, потому что не заметила, как догорела лампа. Ахилл лежал лицом почти вплотную ко мне и тихо сопел. Его верхняя губа морщилась при каждом вдохе. Его тело дышало даром, и я отодвинулась к стене и повернула голову так, чтобы не смотреть на него.

Прошло несколько минут, и только тогда я обратила внимание на звук. Он присутствовал постоянно, я слышала его даже в полудреме. Возможно, дыхание Ахилла, но потом я поняла: нет, это море. Должно быть, от береговой линии нас отделяли несколько сотен шагов. Я слушала, как волны с шумом накатывают и, разбиваясь, с шелестом стекают назад. Эта бесконечная череда приливов и отливов укачивала меня, я словно лежала на груди кого-то любящего, того, кому могла довериться. Однако море не любит никого, и доверяться ему не следует. Внезапно я ощутила новое желание – стать его частью, раствориться в нем, стать морем, которое ничего не чувствует и не ведает боли.

Потом я, должно быть, снова заснула, поскольку, когда открыла глаза, Ахилла уже не было.

Мне стало тревожно. Может, следовало подняться раньше него, приготовить завтрак? Я понятия не имела, как на этом унылом клочке суши готовят пищу и входит ли это вообще в мои обязанности. Потом я задумалась: ведь у Ахилла множество рабов и все выполняют свою работу – ткут, готовят пищу, наливают ванну, стирают белье… Наверное, скоро мне скажут, чем я должна заниматься. Возможно, дел будет не так много – сверх того, что я уже делала. Я вспомнила: когда умерла мама и отец взял себе наложницу, ее освободили от всех прочих обязанностей…

Постель стала холодной. Я села и заметила, что он оставил одну из дверей открытой. В спальне было две двери, одна вела через комнатку – я уже не могла называть ее иначе как кладовой – и дальше по коридору в зал. Вторая выходила прямо на веранду, и оттуда открывался вид на побережье. Скорее всего, Ахилл вышел через нее, потому что дверь была распахнута настежь и скрипела на петлях.

Я завернулась в накидку и встала у порога. С моря тянул бриз, ветер разметал мои волосы и холодил потную кожу. Было по-прежнему темно, но полумесяц узким серпом сиял на небосводе, освещая хижины. Казалось, сотни их разбросаны по побережью. Между темными скученными силуэтами я видела манящие блики моря. Посмотрела вглубь суши и увидела слабое зарево над горизонтом, которое поначалу привело меня в замешательство. Но потом я поняла, что это, должно быть, огни Трои. Города, где дворцы, храмы и даже улицы освещаются по ночам. В лагере тропы между хижинами были узкие и утопали во мраке. Я думала, что попала в ужасное место, совершенно противоположное великому городу, в место, где правили тьма и жестокость.

Оттуда, где я стояла, шум разбивающихся волн напоминал звуки битвы, грохот мечей по щитам. Впрочем, в моем воспаленном сознании все звучало подобно битве, как будто не было в мире иного цвета, кроме красного. Я осторожно прошла по грубым доскам веранды и спрыгнула на землю. Постояла немного, перебирая ногами по сырому песку и испытывая облегчение оттого, что ощущаю хоть что-то после прошедшей ночи. Затем, босиком и в одной лишь накидке, отправилась искать проход к морю.

Полагаясь во многом на чутье, я отыскала тропу, которая уводила в сторону от хижин, вилась между дюнами, а затем резко спускалась к береговой линии. Под конец тропа напоминала скорее туннель – по обе стороны от меня высились поросшие тростником холмы. У меня перехватило дыхание в тесном пространстве, и я остановилась. Где-то в глубинах сознания теплился страх: что, если он вернется, захочет меня еще раз и не обнаружит в постели? В свете луны волны бежали по травам, шелестевшим на ветру. Я вышла к пляжу возле протока, что сочился среди камней и гальки и расширялся, подбираясь к кромке воды.

Теперь шуму волн вторил другой, более громкий звук: хлесткая дробь, раздражающая слух. Я не сразу догадалась, что это корабельные снасти хлопали по мачтам. Суда, в большинстве своем вытащенные за линию прилива и установленные на подмостках, черной массой громоздились слева от меня. В море на якоре стояли другие корабли, но то были небольшие грузовые посудины и имели столько же общего с хищными боевыми кораблями, как утки – с орланами. Я знала, что корабли охраняют на случай вылазки со стороны троянцев, и потому вернулась к дюнам, пересекла поросшую вереском пустошь и вышла к открытому морю.

И снова слышны были только волны, тот шум, подобный ударам мечей о щиты. Я стала спускаться по берегу в надежде разглядеть Лирнесс – скорее всего, пожар уничтожил город, но еще не потух. Однако, чем ближе я подходила к воде, тем плотнее становился туман. Густой морок растекался словно из ниоткуда, холодный и липкий, точно пальцы мертвого; он окутывал корабли, и их призрачные силуэты казались уже не вполне реальными. Странно, что такой туман появился и застаивался при столь сильном ветре, но он дарил ощущение свободы, и я чувствовала себя невидимой.

Где-то там, за хаосом кипящих волн, над тихой гладью, где суша терялась из виду, метались души моих убитых братьев. Без погребальных обрядов для них закрыты врата в подземное царство, и они обречены до скончания веков скитаться среди живых. Стоило мне закрыть глаза, и я снова видела смерть моего младшего брата. Я оплакивала их всех, но его особенно. Когда умерла мама, он искал утешения, но при свете дня стыдился этого и потому каждую ночь забирался ко мне в постель. И стоя там, на продуваемом берегу, я слышала, как он зовет меня, растерянный и неприкаянный, как и я сама.

В слепом стремлении дотянуться до них я вошла в море: щиколотки, колени, бедра – и внезапно пенистая волна хлестнула мне в промежность. Меня пробрал холод. Прямо там, расставив ноги и утопая стопами в песке, я погрузила руку под воду и вымыла его из себя. Я очистилась, насколько могла стать чистой после той ночи, и стояла по пояс в воде. Волны приподнимали меня на носки и вновь опускали, так что я качалась вместе с морем. Огромная волна неожиданно подхватила меня и едва не унесла за собой в пучину, и я подумала: «Почему нет?» Я чувствовала, что братья ждут меня.

Но потом мне послышался голос. В первый миг мне даже показалось, что это голос моего младшего брата. Я напрягла слух, вслушиваясь в грохот волн, и вот он донесся снова. Это определенно был мужской голос, но я не могла разобрать слов. И тогда я испугалась. Я жила в страхе все предыдущие дни – просто забыла, что значит жизнь без страха, – но то был ужас иного порядка. По коже побежали мурашки, и волосы зашевелились на затылке. Я убеждала себя, что голос доносится из лагеря, каким-то образом отражается стеной тумана, и кажется, что отзвук его долетает со стороны моря. Но потом я снова услышала этот голос и уже не сомневалась, что он разносится там, в море. Кто-то или что-то, резвилось среди кипящих волн. Какое-то морское существо – иначе и быть не могло – дельфин или касатка. Порой они подплывали очень близко к суше, даже выбрасывались на берег, чтобы схватить тюленя на скале. Затем мгла на миг

расступилась, и я увидела человеческие плечи и руки, лунные блики на мокрой коже. Он взбивал воду, разбрасывая тучи брызг, и – внезапно затих и перевернулся вниз лицом, мягко качаясь на волнах.

Мужчины на этом побережье не учатся плавать. Они – мореходы и знают, что это умение лишь продлит страдания, тогда как смерть могла быть скорой и легкой. Но этот человек играл с морем подобно дельфину, словно оказался в родной стихии. И сейчас он лежал на поверхности, раскинув руки, и тянулось это так долго, что, казалось, он способен дышать под водой. Но вот он резко поднял голову и поплыл к берегу, вытянувшись, словно нерпа. Стоило лишь увидеть его лицо, и меня вновь сковал ужас, хоть я уже догадывалась, кто был в море.

Я развернулась и, загребая руками, быстро двинулась к берегу с одним желанием – поскорее вернуться и обсохнуть. Иначе как я собиралась объяснять все это? Но на мелководье заставила себя сбавить шаг, потому как брызги могли привлечь его внимание. Едва я ступила на берег, как ощутила резкую боль в правой стопе: острая галька вонзилась в ее свод, и мне пришлось наклониться, чтобы вытащить ее. Когда я подняла голову и увидела Ахилла, он уже не плыл, а медленно шел к пляжу по колено в воде. Я резко присела и затаила дыхание, но Ахилл прошел и не заметил меня, отирая глаза от соленых брызг. Я выдохнула и уже решила, что все позади и Ахилл вернется в лагерь. Однако он все стоял у кромки воды, глядя в морскую даль.

Когда Ахилл заговорил, я подумала, он обращается ко мне, и даже раскрыла рот, хоть и понятия не имела, что ему сказать. Однако тут он заговорил снова, но так, словно набрал в рот воды или захлебнулся, и я поняла, что не могу разобрать ни единого слога. Он как будто спорил с морем или оправдывался перед ним… Кажется, я смогла уловить лишь одно слово: мама. И это еще больше сбило меня с толку. Мама? Нет, должно быть, я ошиблась. И вот снова: мама, мама… Как если бы малолетнее дитя просилось на руки. Пусть оно значило нечто иное, и все-таки во многих столь разных языках это слово звучит так сходно… Что бы это ни означало, я сознавала, что не должна слышать этого, но боялась пошевелиться, поэтому припала к земле и ждала. Казалось, этому не будет конца. Но вот вязкой массой упали последние слова.

Солнце показалось над горизонтом, и туман стал редеть. Ахилл развернулся и пошел по берегу. Я смотрела, как рассветные лучи играют на его мокрых плечах, пока он не скрылся в тени своих черных кораблей.

Едва уверившись, что он ушел, я опрометью бросилась через дюны. Однако заблудилась, как только оказалась в лагере. Я стояла мокрая, перепачканная и напуганная и не знала, куда идти. Но потом в дверях одной из хижин показалась девушка и знаком велела войти. Ее звали Ифис. В то утро она выходила меня, даже наполнила ванну, чтобы вымыть соль из моих волос. Когда я скинула накидку и уже собиралась влезть в ванну, что-то стукнулось об пол, и я поняла, что принесла ту самую гальку с пляжа. Из ранки в стопе еще текла кровь. Камешек лежал у меня в ладони, и я поминутно разглядывала его, как другие в минуты потрясений, бывает, все свое внимание направляют на какую-нибудь безделицу. Он был зеленого цвета, ядовито-зеленого, как море в шторм, но с белой прожилкой. Ничего примечательного, обыкновенный камешек – разве что острый. Невероятно острый. Я поднесла его к лицу и потянула носом – морская вода и песок. Облизнула – шершавый и солоноватый. Затем коснулась пальцем острой грани: неудивительно, что порез оказался таким глубоким. Почти не прилагая усилий, я провела им по запястью – осталась тонкая царапина, и на ней красными точками выступала кровь. Было какое-то странное удовлетворение в этом истязании собственной окоченелой плоти, и мне стало любопытно, как далеко это может зайти. Я попыталась порезать себя еще раз, но что-то остановило меня. Я не знала, почему море послало мне этот дар, но была уверена, что у него иное предназначение. Если бы мне захотелось ранить себя, в лагере кругом были клинки. Поэтому я снова положила камешек на ладонь и просто смотрела на него, ни о чем не думая. На берегу столько камней, миллионы, и все отшлифованы, скруглены неустанным движением волн – но только не этот. Он остался острым.

Этот камешек стал для меня чем-то особенным. Я и сейчас держу его в руке.

Ифис принесла чистую сухую одежду, и я стала одеваться. Вернее сказать, Ифис одевала меня, а я просто стояла как деревянная. Когда и с этим было покончено, я спрятала камешек под пояс, и он вреза?лся в кожу при малейшем движении. Это причиняло неудобство, но в то же время успокаивало, напоминало о море и побережье – и той девочке, какой я была когда-то и какой уже не стану.

5

Что мне лучше всего запомнилось – если отбросить тот ужас первых дней, – так это невероятный контраст богатства и убожества. Ахилл ел с золотых блюд, вечерами клал ноги на скамейку со вставками из слоновой кости и спал на простынях, затканных золотыми и серебряными нитями. Каждое утро, расчесывая и заплетая волосы – даже девушка перед собственной свадьбой не наряжалась с таким тщанием, как Ахилл перед битвой, – он смотрелся в бронзовое зеркало, которое вполне могло бы составить царский выкуп. Насколько я знаю, оно и досталось ему от царя. И вместе с тем, когда приходила нужда, Ахилл брал лоскут грубой материи из кучи в углу и отправлялся в отхожее место, где стояла тошнотворная вонь и тучами кружили мухи. И по пути он миновал кучи отбросов, которые следовало регулярно сжигать, но никто этого не делал, и в конечном счете они стали настоящей житницей для крыс.

Это второе, что я хорошо помню: крысы. Они были повсюду. Бывало, если случалось идти по тропе между рядами хижин, земля под ногами вдруг приходила в движение – настолько все было ужасно! Их численность могли бы сдерживать тощие полудикие собаки, что бродили по лагерю, но по каким-то причинам этого не происходило. Мирон следил за порядком в стане Ахилла и часто устраивал состязания в ловле крыс. Победитель получал в награду кувшин крепкого вина. И молодые воины расхаживали с черными тушками, наколотыми на копья: крысиный кебаб. Но, сколько бы они ни убивали их, крыс становилось еще больше.

Я пытаюсь – возможно, несколько сумбурно – передать первые впечатления от лагеря, хотя была не в состоянии что-либо воспринимать. В каком-то смысле все было просто: море, пляж, песчаные дюны, клочок вересковой пустоши и поле битвы, протянувшееся до самых стен Трои. Это из того, что я видела, но мы, пленные женщины, конечно, не покидали пределов лагеря. Пятьдесят тысяч воинов и их слуги теснились на узкой полосе суши. Хижины были маленькие, тропы между ними – узкие, и все казалось каким-то стиснутым. И в то же время – беспредельным, потому что лагерь составлял весь наш мир.

Со временем тоже творилось что-то странное: оно растекалось, стягивалось и оборачивалось вспять, принимая форму воспоминаний, более реальных, чем повседневность. Какие-то мгновения – вроде тех, когда я рассматривала камешек – растягивались на целые годы, но затем целые дни проносились в пелене ужаса и скорби. Ничего не помню из того, что происходило в те дни.

Впрочем, рутина понемногу брала свое. Я должна была лишь прислуживать Ахиллу и его приближенным во время ужина. Таким образом, я каждую ночь была на виду – и без вуали, – и поначалу это ввергало меня в ужас, потому что я привыкла вести замкнутую жизнь, скрытую от мужских взглядов. Я не сразу поняла, зачем Ахиллу это нужно. Но потом вспомнила, что я досталась ему в награду, в воздаяние за убийство шестидесяти человек. Конечно, ему хотелось похвастаться мною перед гостями. Было бы глупо заполучить трофей и прятать его где-то в кладовой. Хочется держать его у всех на виду, чтобы другие завидовали.

Я ненавидела разносить питье во время трапезы, но Ахиллу, конечно же, не было до этого дела. И, что странно, вскоре это перестало волновать и меня. Свободному человеку этого не понять. С рабом не обращаются как с вещью. Раб и есть вещь, как в собственном видении, так и в глазах окружающих.

Так или иначе, я расхаживала вдоль столов, наполняла кубки вином и улыбалась – постоянно улыбалась. Все взоры были обращены ко мне, и тем не менее, когда я склонялась над их плечами, никто не пытался облапать меня и не отпускал похабных шуток. Я была под защитой, как во дворце моего супруга, – возможно, даже лучшей, поскольку каждый понимал, что стоит переступить черту, и придется отвечать перед Ахиллом. Иными словами, расстаться с жизнью.

Ахилл и Патрокл сидели за отдельным столом. Они поднимали тосты и смеялись вместе со всеми, пока разговоры не перерастали в размеренный гул. И тогда они разговаривали преимущественно друг с другом. Если вспыхивала ссора – а они вспыхивали, и довольно часто, ведь эти люди с детских лет приучены отвечать на малейшие уязвления собственной чести, – так вот, Патрокл немедленно вставал, успокаивал и примирял воинов, призывал пожать руки, обменяться шутками и, наконец, сесть за стол друзьями. После он возвращался к Ахиллу, и их беседа тотчас возобновлялась. Нельзя сказать, что это были отношения равных, пусть Ахилл и был неизменно обходителен и всегда – по крайней мере, на глазах у других – называл Патрокла «благородным» или «сиятельным». Однако тот явно находился в подчинении, на вторых ролях. Впрочем, это не вся истина. Однажды я увидела, как они вместе шли по пляжу, и Патрокл положил руку Ахиллу на шею. Такой жест, возможно, подобал в отношении сына или младшего брата, но вряд ли кто-то еще в лагере, позволив себе подобное, остался бы при этом в живых.

Похоже, что ты подолгу за ним наблюдала.

Да, я наблюдала за ним. Каждую сознательную минуту – а я редко позволяла себе засыпать в его присутствии. Странно – я сказала, что «наблюдала за ним», и сразу захотелось добавить «словно коршун». Ведь именно так говорят люди? Так обычно описывают пристальный, немигающий взгляд. В моем случае все обстояло иначе. Ахилл был коршуном, я же – его пленницей, с которой он мог делать все что вздумается. Я была целиком в его власти. Если однажды утром он проснулся бы и решил забить меня до смерти, никто не помешал бы ему. О да, я смотрела на него, смотрела как мышь.

После ужина я проводила остаток вечера с Ифис, наложницей Патрокла, доставшейся ему от Ахилла. Обычно мы сидели на кровати в кладовой и ждали, когда нас призовут. Патрокл посылал за ней почти каждую ночь, что неудивительно при ее нежности и красоте. Она была подобна ветренице, дрожащей на своем тонком стебельке, такая хрупкая, что, кажется, не выдержит и легкого дуновения, и все же никакой ветер ее не сломит. Мы много разговаривали, однако не касались прошлого и не рассказывали, какую жизнь вели, прежде чем оказались здесь. Так что в каком-то смысле я знала о ней очень мало. Именно так, мы все заново рождались в свой первый день в лагере. Ифис понимала, как ей повезло, что она досталась Патроклу, неизменно доброму. Я заметила, как тот внимателен к ней и ласков, но подозревала, что он предпочитал Ифис другим девушкам только потому, что получил ее от Ахилла.

Поначалу Патрокл не внушал мне доверия своей добротой, потому что я не могла постичь этого. В грубом безразличии Ахилла было куда больше смысла. Едва ли он удостоил меня парой слов. Но когда моя настороженность стала слабеть, я помногу разговаривала с Патроклом. Помню, как однажды он застал меня плачущей и сказал, чтобы я не терзалась – что он может подтолкнуть Ахилла взять меня в жены. Это было так неожиданно, что я не знала даже, как ответить, и поэтому просто помотала головой и отвернулась.

Моим утешением стали предрассветные вылазки к морю. Я заходила по пояс в воду и, стоя на носках, чувствовала, как волны, откатываясь, тянут меня за собой. Нередко с моря наползал туман, иногда такой плотный, что я не видела ничего вокруг. Окутанная этим саваном и будто невидимая, я ощущала умиротворение или была к этому очень близка. Мои братья, чьи непогребенные тела, должно быть, лежали теперь кучей обглоданных костей, словно слетались ко мне. Эта полоса гальки, у самой кромки воды, принадлежавшая попеременно то морю, то суше, стала естественным местом наших встреч. Эфемерные в своей сути, их души не принадлежали ни к живым, ни к мертвым. Что можно было

сказать и обо мне.

Окутанная туманом и невидимая, я все же была не одна. Ахилл плавал каждое утро перед рассветом, хоть наши пути никогда не пересекались. Он или не замечал меня, или просто не обращал внимания. Я не представляла для него интерес, и он вообще не воспринимал меня как личность. Когда за ужином я ставила перед ним блюдо или кубок, он не удостаивал меня даже взглядом. Я существовала для него лишь в постели. Да и тогда была скорее предметом, составленным из частей тела. В частях тела Ахилл разбирался превосходно, в этом состояло его ремесло. Лишь однажды я действительно почувствовала на себе его взгляд – в тот краткий миг, когда он рассматривал меня перед войском. Да, Ахилл смотрел на меня, но только затем, чтобы убедиться, что вознаграждение соразмерно его заслугам.

Он не говорил со мной, не смотрел на меня – но посылал за мной каждую ночь. Я успокаивала себя тем, что однажды – и возможно, уже скоро – все переменится. Ахилл вспомнит Диомеду, девушку, которая была его любимицей, пока не появилась я. Или, что лучше, разграбит еще один город – видят боги, его жажда к разорению городов не знает границ, – и войско преподнесет ему в награду очередную напуганную, дрожащую пленницу. И тогда уже она будет прислуживать гостям, ее Ахилл захочет выставить напоказ. А я смогу наконец-то укрыться в безвестности женских хижин.

Перемены все же были – все так или иначе меняется, – но иного характера, вопреки моим надеждам. Не знаю, как долго я пробыла в лагере. Думаю, недели три. Как я уже говорила, ход времени отследить было невозможно. Мы жили словно в пузыре, без прошлого и без будущего – лишь в бесконечно повторяющемся сейчас. Но, полагаю, сначала изменения стали происходить во мне. Оцепенение начало спадать, и ему на смену пришла боль, до того глубокая, что я уже не знала покоя. До того момента я пребывала в полной апатии, едва могла сомкнуть глаза и в то же время была совершенно безучастна к происходящему. Теперь же мною постоянно овладевало отчаяние, даже чувство безнадежности. Тогда, у парапета башни, когда Арианна протянула мне руку, прежде чем принять смерть, я предпочла жизнь. Но если б я вновь оказалась перед выбором, уже зная то, что знала теперь… Какое решение приняла бы я в таком случае?

Однажды вечером, сразу после ужина, вместо того чтобы остаться с Ифис в крошечной комнате и дожидаться, когда нас позовут, я отправилась к морю.

Обычно, когда мужчины заканчивали трапезу, женщинам позволялось быстро перекусить, но меня тошнило, и сама мысль о еде была непереносима. Я шла по тропе между дюнами, и ноги зарывались в мягкий песок. Мысли о братьях дарили мне ощущение, близкое к радости. Пока я была жива и помнила о них, они тоже в каком-то смысле жили. И мне хотелось дожить до того момента, когда я увижу Ахилла на погребальном костре. Но такие мгновения были мимолетны, и за ними неизменно следовало осознание реальности. Я буду делить постель с Ахиллом, пока он не устанет от меня, и тогда мне останется лишь таскать воду или нарезать и разбрасывать тростник по полу. А когда закончится война, меня увезут во Фтию – потому что греки победят, я знала это, я видела Ахилла в бою. Троя будет разрушена, как Лирнесс. Еще больше вдов, больше напуганных, забитых девочек. Мне не хотелось доживать до этого мига.

Я вошла в море, как делала это и прежде, но в этот раз не останавливалась, пока вода не сомкнулась у меня над головой. Лунные отсветы играли по белому песку у меня под ногами. Я попыталась сделать вдох, но удивительно, как упорно старается выжить тело, когда дух уже готов сдаться. Я не смогла заставить себя вдохнуть, и вскоре грудь словно стянуло железными цепями. Против своей воли я оттолкнулась, вынырнула и стала судорожно глотать воздух.

Когда я вернулась, перепачканная и удрученная, Ифис еще ждала меня. Она надела на меня чистую сухую тунику и завернула намокшие волосы в узел на затылке, чтобы было не так заметно. Все это время она что-то озабоченно приговаривала, гладила меня по плечам и по лицу и вообще делала все, что могла, только бы вернуть мне пристойный вид. Но потом ее призвал Патрокл, и ей пришлось уйти.

Я осталась одна. Ахилл в соседней комнате играл на лире, как и всегда в это время. Ту мелодию, которую он играл, завершали несколько переливчатых нот, как последние капли дождя после шторма. Мелодия казалась мне знакомой, я как будто не раз слышала ее прежде, но никак не могла вспомнить. Я слушала, пока музыка не смолкла – этого мига я всегда ждала с ужасом. Слышно было, как Ахилл отложил лиру на стол возле своего кресла, а через минуту дверь распахнулась, и он знаком велел мне входить.

Я скинула с себя тунику и постояла несколько мгновений, растирая мокрые руки, после чего скользнула под простыни. Ахилл не спешил. Он допил вино, взял в руки лиру и еще раз сыграл окончание той мелодии. Я лежала и слушала, с

затаенной ненавистью глядя на пальцы, перебирающие струны. Я заучила каждое движение этих ухоженных рук – впрочем, под ногтями еще видны были багровые крапинки, кровь не отмывалась даже после ароматных ванн. Я пристально за ним наблюдала (единственная причина тому – страх) и чувствовала, что знаю о нем всё; больше, чем его воины, больше, чем кто-либо другой, за исключением Патрокла. Всё – и ничего. Потому что не могла представить, каково это – быть таким, как он. И со своей стороны Ахилл обо мне не знал ничего. Что меня вполне устраивало – уж я-то точно не искала его понимания.

Через некоторое время Ахилл забрался в постель. Я закрыла глаза. Хотелось, чтобы он притушил лампу, хоть я и знала, что он не станет этого делать. Ахилл лег на бок, и я почувствовала, как он обхватил мои груди этими ужасающими руками. Я поборола в себе желание отпрянуть…

Внезапно Ахилл замер.

– Что это за запах?

Это были едва ли не первые его слова, обращенные ко мне. Я чуть отстранилась от него. Хоть и понимала, что совершаю ошибку, но ничего не могла с собой поделать. Ахилл подался вперед, вдыхая запах с моей кожи и волос. Я догадывалась, как он воспримет все это – соль на моих скулах, запах водорослей в волосах. И уже приготовилась, что он столкнет меня с кровати или ударит – что в конце концов выплеснет на меня злобу, кипящую внутри…

Но я глубоко заблуждалась.

Ахилл зарычал и зарылся лицом в мои волосы, затем принялся кусать и облизывать кожу, пока не добрался до грудей. Когда же он взял в рот мой сосок, я даже выгнула спину от неожиданности. Это даже отдаленно не походило на страстные ласки – так голодный ребенок сосал материнскую грудь, с таким рвением, что не мог ухватить сосок и приходил в неистовство. Ахилл стукнул меня кулаком в грудину, потом опомнился и стал набивать в рот мои просоленные локоны. Затем опять вернулся к грудям, обхватывая целиком соски и крепко сжимая их зубами. Возможно, вы спросите: «Почему тебя это так потрясло?» Могу сказать одно: это был не мужчина, это был ребенок. Когда Ахилл наконец отпустил меня, на его лице застыл тот опьяненный,

остекленелый взгляд объевшегося младенца. Ничего подобного я не видела на лице мужчины прежде – да и впредь.

Под конец Ахилл посмотрел на меня – он выглядел озадаченным, даже смущенным. Я ждала, что он ударит меня, и не потому, что я сказала что-то или сделала – или не сказала чего-то и не сделала, – просто потому, что я стала этому свидетелем. Я узнала его нужду. Однако Ахилл лишь отвернулся на бок и притворился, что засыпает.

6

Все переменилось, и не в лучшую сторону. Грубое, прозаическое использование моего тела ради облегчения осталось в прошлом. На смену ему пришла страсть – страсть, но без намека на нежность. Ахилл любил меня – да уж! – так, словно надеялся, что очередной акт убьет меня. Однажды он буквально растолок меня в порошок, в другой раз стиснул так, будто боялся, что я могу внезапно исчезнуть. Порой мне казалось, что он просто-напросто задушит меня.

Ифис то и дело спрашивала, в порядке ли я. А я лишь кивала и продолжала заниматься своими делами. Все чаще я выбиралась за пределы женских жилищ, но поначалу ходила только к ближайшим огням, где встречала хотя бы пару женщин, которых знала в Лирнессе. Я видела мир вокруг, ощущала тепло солнечных лучей… Я выжила. Ну если можно так выразиться. В лагере хватало женщин, чьих сыновей убивали у них на глазах, которые до сих пор не разговаривали и лишь таращились в пустоту. В буквальном смысле, можно хлопнуть в ладоши у них перед самым носом, и они даже не моргнут.

Впрочем, не все так просто. Как ни странно, были и такие женщины, чья жизнь изменилась к лучшему. Одна девушка, которая в Лирнессе была рабыней – рабыня на кухне, низшая из низших, – теперь стала наложницей великого правителя, в то время как ее госпожа, плоская женщина с обвислым животом и уже на склоне детородного возраста, побиралась у костров в поисках еды. Отныне значение имели лишь юность, красота и плодовитость.

Все осваивались на свой лад. Две женщины мне особенно запомнились – сестры, я полагаю. Они весь день проводили у ткацких станков, никогда не выходили,

если не считать короткой прогулки поздним вечером. Шагали вместе, рука об руку, закутанные в вуали, так что оставалось лишь гадать, как они не спотыкались. Они как будто надеялись, что, соблюдая ограничения, принятые в жизни уважаемой женщины, им удастся вернуться к прежней жизни и изменить свое нынешнее положение. Я смотрела на них и думала: «Они безумны».

Во всяком случае, я выбрала иной путь. Я выходила на прогулку каждое утро, одна и без вуали. Порой удалялась вдоль береговой линии до самого мыса, где сжигали мертвых. Оттуда открывался вид на многие мили вокруг. Ясным днем можно было разглядеть разрушенные башни Лирнесса. Можно было пойти в другом направлении, вглубь суши, по грязным, истоптанным тропам через дюны и вересковые пустоши, к полю битвы. Оттуда, через долину, была видна Троя. Порой можно было даже увидеть отблеск солнца на золотой короне Приама. Он почти всегда стоял у парапета, глядя на поле боя, а рядом с ним, перегнувшись насколько можно, белым пятном стояла Елена.

С трудом верилось, что война длится так долго. Девять лет они сражались за долину Трои; линия постоянно сдвигалась, но незначительно – никакой из сторон не удавалось переломить ход. На месте плодоносной некогда равнины теперь простиралась вытоптанная пустыня, отчего осенью и зимой две реки, пересекающие долину, постоянно разливались. Деревья были вырублены еще первой зимой на постройку хижин и починку кораблей. Птицы исчезли. Просто удивительно, как редко они попадались там – разве что одинокий ястреб кружил над разоренной землей.

Я нечасто ходила в ту сторону. Больно было смотреть на Трою, где я провела когда-то два счастливых года.

Понемногу я познакомилась с другими «наградами» – женщинами, преподнесенными войском своим царям. Мы встречались в стане Нестора, потому что он располагался ближе всего к главной арене, и это было удобно для всех. Гекамеда, отведенная Нестору, когда Ахилл разорил Тенедос, наполняла чаши крепким вином и ставила блюда с хлебом, сыром и оливками. Она была примерно одного со мной возраста – около девятнадцати лет, с гладкими волосами и бронзовой кожей. Сноровистая и проворная в движениях, она напоминала мне юркого королька. Ее преподнесли Нестору в награду за «стратегические думы», поскольку он был слишком стар, чтобы участвовать в рейдах.

– Слишком стар и для?.. – рискнула я спросить.

Юза фыркнула.

– Если бы! Эти старики хуже всех. Думают, если что-то сделать – что-нибудь еще, такое, что ты и не сделаешь даже, – тогда у них встанет крепче скалы… Нет уж, лучше с молодыми.

Юза была наградой Одиссея, и похоже, что ее это вполне устраивало. Для нее все было предельно просто. По окончании Одиссей лежал, глядя в потолок, и предавался долгим, бессвязным воспоминаниям о Пенелопе, своей супруге, которой был предан до слез.

– Все они говорят о своих женах, – сказала Юза, сдерживая зевок.

Сложно было сказать, кем была Юза, пока не пал Тенедос, хоть я и рискнула бы предположить.

Рица повернулась ко мне.

– А что с Ахиллом? Каков он?

– Быстрый, – ответила я, ничего не добавив.

Я рада была вновь увидеть Рицу. Она досталась Махаону, главному лекарю войска. И дело не столько в ее наружности – ну, скажем откровенно, дело вовсе не в наружности, – сколько в ее умениях в медицине. Рица вдова и старше нас всех. В обычных обстоятельствах ей не пристало бы вести подобные разговоры в присутствии юных девушек.

Самой младшей из нас, Хрисеиде, было всего пятнадцать. Ее отец был жрецом, и в то время, когда пал Тенедос, она еще жила в его доме. Агамемнон выбрал ее из пленных девушек, выстроенных перед ним для осмотра. Как предводитель войска он всегда выбирал первым, хотя все тяготы сражений брал на себя Ахилл. Хрисеида оказалась такой милой – как это часто бывает в этом цветущем возрасте. Поначалу она выглядела очень застенчивой, но со временем я поняла, что дело вовсе не в робости. Хрисеида была невероятно сдержанна. Когда

умерла ее мать, она была еще совсем ребенком, и потому с ранних лет стала госпожой в доме отца и, помимо прочего, прислуживала ему в храме. Взвалив на себя эту двойную ношу, Хрисеида повзрослела не по годам. Когда мы только встретились, она говорила очень мало – из робости, сдержанности или ханжества, не могу сказать, – но все наше внимание было приковано к ней. Когда она уходила слишком рано, мы тотчас принимались это обсуждать. Но не предавались злостным сплетням – мы все за нее переживали. Хотя, с другой стороны, как отметила Юза, по сравнению с нами Хрисеида все же оказалась в завидном положении: Агамемнон просто не мог ею насытиться.

– Никого не желает, кроме нее, – сообщила Юза. – Удивительно, как она еще не забеременела.

– Он предпочитает задний проход, – отметила Рица.

Уж она-то знала, о чем говорит. Она приготовила мазь из гусиного жира с растертыми травами и кореньями, и женщины в лагере приходили к ней, если ночь выдавалась особенно тяжелой. Рица была слишком осмотрительна, чтобы рассказывать о визитах Хрисеиды, но все и так было очевидно.

– В самом деле? – спросила Юза. – Ну да, она же такая худенькая…

И она откинулась, заложив руки за голову, демонстрируя собственные округлые формы.

– Он ее любит, – заметила Гекамеда.

Юза фыркнула.

– Ага, пока она не наскучит ему. Помнишь, как там ее звали… ах, чтоб ее, начинается на «вэ»… Ну все думали, что у них любовь, но это не помешало ему отдать ее воинам. А потом была…

– Они так делают? – спросила я.

– Что?

– Отдают своих женщин воинам?

Юза пожала плечами.

– Это все знают.

– С Хрисеидой этого не случится, – возразила Гекамеда. – Он одержим ею.

– Ну, надеюсь, ты права.

Рица потянулась и зевнула.

– Все, что ей нужно, – это родить ему сына.

– Как ты себе это представляешь? – спросила я. – Через задний проход?

Взрыв хохота. Сейчас кажется невероятным, что мы тогда смеялись. Но смеялись мы помногу. Наверное, важно учесть, что ни одна из нас не теряла детей.

Приходила еще одна женщина, хоть и реже других, – Текмесса, награда Аякса. Она провела в лагере четыре года и родила сына, в котором Аякс души не чаял. Поскольку его стан располагался рядом со станом Ахилла, мы часто возвращались вместе. Это была крупная женщина, и прогулки в жару давались ей тяжело. Так что мы шли очень медленно, и у нас была масса времени на разговоры. Но я не ощущала симпатии к Текмессе или иного чувства, кроме раздражения и жалости. Аякс убил ее отца и братьев и овладел ею той же ночью. А она умудрилась полюбить его – ну или так утверждала. Я не вполне ей верила. Впрочем, мне и не хотелось верить. Ее смирение казалось мне пугающим – и постыдным. Но у нее был сын, и вся ее жизнь вращалась вокруг ребенка.

Другой ее страстью была еда. Гекамеда часто выставляла лакомство из сушеных фруктов и орехов в меду – до того сладкое, что после трапезы больше одного-двух кусочков в рот не лезло. Текмесса же могла съесть целое блюдо. Мы потрясенно наблюдали за ней, то и дело переглядываясь, но ничего не говорили.

Пару раз Текмесса принималась советовать мне, как примириться с новой жизнью. Хоть она и делала это из добрых побуждений, я ощущала лишь досаду.

Она говорила, что мне следовало пробудить любовь в сердце Ахилла.

– Ты же знаешь, у него нет жены и всего один сын. Это ничто для такого человека, как он. Он мог бы взять ее в жены, но не сделал этого.

Сына назвали Пирром, и Ахилл видел его лишь младенцем. Мальчика воспитывали в семье матери.

– Это совсем не то, – настаивала Текмесса. – Быть рядом со своим ребенком и видеть, как он растет, – это другое.

Посыл очевиден: имелось свободное место, и я буду дурой, если не попытаюсь его занять.

– Посмотри на меня. Аякс готов целовать землю, по которой я хожу.

«Ну да, – подумала я, – посмотри на себя. Если твоя жизнь такая сказочная, почему ты не перестаешь набивать рот?»

Как-то раз Текмесса явилась закутанная в плотную накидку, несмотря на зной. Когда она наклонилась за игрушечным корабликом, складки расправились, обнажив шею – и темные синяки от пальцев. Текмесса понимала, что мы всё видели. Повисло долгое молчание. И вот:

– Не такая уж идиллия? – спросила Юза, как будто в пустоту.

Рица покачала головой, но было уже поздно. Лицо Текмессы покрылось уродливыми красными пятнами.

– Это не его вина, – сказала она. – Его мучают ночные кошмары, иногда он просыпается и видит во мне троянца.

– Ты и есть троянка, – заметила я.

– Нет, я имею в виду троянского воина, – возразила Текмесса.

По дороге домой – это она так выразилась, – Текмесса рассказала о событиях прошедшей ночи, как ей пришлось молотить Аякса кулаками, чтобы тот пришел в себя.

– Он ничего не может с собой поделать.

Бедной женщине, наверное, хотелось излить кому-нибудь душу, но я меньше всего годилась на эту роль…

– У Ахилла бывают кошмары?

Я молча помотала головой.

– Будут. Рано или поздно это у всех начинается. Однажды ночью он проснется и увидит в тебе врага.

– И будет недалек от истины.

– Ты не будешь так говорить, когда родишь ему.

Так и сказала: когда. Не если.

К тому времени я уже уверилась, что не смогу забеременеть. За четыре года в браке я так и не родила столь долгожданного сына. Но известно, что холостая кобыла иногда может и понести, если ее покрывает другой жеребец. Я задумалась. У Текмессы был маленький сын, и по всему лагерю попадались женщины с раздутыми животами или с орущими младенцами на руках. У тех, кто пробыл в лагере дольше всего, дети уже болтались без присмотра вокруг костров. И все-таки я была уверена, что со мной этого не случится. Впрочем, я не полагалась лишь на свою убежденность и по-прежнему каждое утро вымывала его из себя – вопреки собственным интересам, как сказала бы Рица. И часть меня прекрасно понимала, что Нестор был прав: прежняя жизнь осталась в прошлом. Нет смысла цепляться за прошлое, к которому уже нет возврата. Но я продолжала цепляться, потому что в том утраченном мире хоть кого-то собой представляла, играла какую-то роль в жизни. И я чувствовала, что если отпущу прошлое, то окончательно потеряю себя.

Мы с Текмессой распрощались у стана Аякса, и последнюю сотню шагов я прошла в одиночестве. Я смотрела, как женщины вокруг возятся у костров, носят котлы и готовятся к возвращению воинов. Из всех женщин в лагере этим приходилось тяжелее всего. У многих были округлые синяки от ударов тупым концом копья. Они обитали возле костров и спали под хижинами, самым младшим из них было не больше девяти или десяти лет. Я считала, что их жизнь никак не пересекается с моей, но теперь узнала, что Агамемнон, по крайней мере, отдавал воинам одну из своих наложниц для общего пользования. Когда она ему надоедала, или чем-то вызывала его недовольство, или же он просто решал, что его люди заслужили награду. Поступал ли так Ахилл? Я понятия не имела – только почувствовала, что лагерь стал вдруг еще более враждебным местом.

Когда я миновала ворота – днем они всегда были открыты, – меня уже переполнял ужас перед грядущей ночью. Каждый день после сражений Ахилл и Патрокл принимали ароматные ванны. На меня не возлагалось никаких дел – другие женщины грели воду и таскали тяжелые ведра, – но я всегда следила, чтобы ванну подготавливали вовремя и напитки были под рукой, поскольку от этого зависело настроение Ахилла, а его настроением определялось все.

Когда появлялась его колесница, мы все притихали. Первым делом, не сняв даже шлема, Ахилл отправлялся в конюшни проведать лошадей и убедиться, что их как следует вычистили и напоили. Только потом он снимал доспехи и швырял их своим слугам. Зачастую, вместо того чтобы погрузиться в горячую ванну, подготовленную с таким старанием, купался в море. За линией прибоя переворачивался на спину и качался на волнах, в то время как вода в ванне неизбежно остывала. Обычно Патрокл отправлялся с ним и, стоя на берегу, наблюдал. В такие мгновения он всегда выглядел встревоженным, хоть я не видела никакого повода для беспокойства – просто невозможно, чтобы человек, который вот так плавает, мог утонуть.

Проходило какое-то время, и Ахилл медленно, переваливаясь в волнах, шел к суше. На берегу он встряхивал головой, так что с волос, еще окропленных алым, летели брызги, орошая песок вокруг него. Так, омывшись от крови, он вытирал глаза от соли и несколько мгновений стоял, щурясь от света. Казалось, в эти минуты Ахилл заново рождался. Затем он клал руку Патроклу на плечо, и они вместе возвращались по песчаному склону. В лагере им преподносили кубки с вином, и они уходили готовиться к трапезе.

7

Я молила богов о переменах – о чем-то, что изменило бы мою жизнь. В то время дни и ночи сменяли друг друга, и все оставалось по-прежнему. И все же теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что перемены происходили, но тогда они казались чем-то обыденным. К примеру, как-то вечером, когда мы с Ифис ждали в кладовой, Патрокл вошел за вином и, увидев нас, спросил:

– Почему вы не входите?

Мы с Ифис переглянулись. Это было так внезапно, а любая внезапная перемена вызывала тревогу. Но от нас во всем ждали послушания, и потому мы встали и последовали за Патроклом в соседнюю комнату. Я села в кресло, как можно дальше от Ахилла, и пригубила сладкого вина из кубка, который подал мне Патрокл. Я едва осмеливалась дышать. В первый миг на лице Ахилла отразилось недоумение, но впредь он уже не обращал на нас внимания.

Когда Патрокл увел Ифис, я по обыкновению отправилась в постель. К тому времени я поняла, что перемену в поведении Ахилла вызвал запах соли в моих волосах. Я старалась держаться подальше от пляжа, но не могла. Хотелось погрузиться в холодную, безучастную пучину, и с течением времени это желание становилось только сильнее. Поэтому я и впредь возвращалась с запахом водорослей в волосах и солью на коже, чтобы стать свидетельницей его вожделения, злости и нужды – и боялась кому-нибудь об этом говорить. И была не в силах это осмыслить.

С тех пор вечера проходили примерно одинаково. Иногда Ахилл и Патрокл продолжали разговор, начатый за едой, обсуждали прошедшее сражение и решали, на чем стоило бы заострить внимание на утреннем совете. Если день выдавался хороший, то и разговор этот не затягивался. Если что-то не задавалось, Ахилл метался по комнате, задыхаясь от презрения к Агамемнону. Не было человека более бездарного, – он в грош не ставил собственных воинов, и ничто его не заботило, кроме собственной выгоды. И что хуже всего – он был трусом и всегда отсиживался в тылу, «охраняя корабли», в то время как другие выносили все тяготы битвы.

– И, – в этот миг Ахилл поднял кубок, требуя еще вина, – он пьет.

– Мы все пьем.

– Не как он. – Ахилл поднял взгляд на Патрокла. – Да брось, когда ты видел меня пьяным?

В конце концов Патроклу удавалось его успокоить, и тогда Ахилл брал лиру и принимался играть.

Когда он погружался в музыку, я могла наконец оглядеться. Роскошные гобелены, золотые блюда, резной сундук со вставками из слоновой кости… Оставалось только гадать, откуда все это. Полагаю, кое-что Ахилл привез с собой из дома, но все остальное, конечно, было награблено в горящих дворцах. Бронзовое зеркало в полный рост – я задумалась, где бы оно могло стоять прежде. Насчет лиры гадать не приходилось, потому что я знала. Ахилл добыл ее во дворце Ээтиона, когда разграбил Фивы. Ээтион и восемь его сыновей убиты, все мужчины и мальчики тоже, женщины угнаны в рабство – и только лира уцелела. Наверное, это самая красивая вещь из всех, что я видела.

Когда Ахилл играл, свет падал ему на лицо, и я видела странные отметины на его коже. Участки на лбу и на щеках, закрытые шлемом, были чуть светлее открытых участков вокруг глаз и рта, как будто шлем стал частью его и сросся с кожей. Быть может, я преувеличиваю… Я как-то поделилась наблюдением с Ифис, и хоть она сразу догадалась, что я имела в виду, но сказала, что сама не обращала на это внимания. Мне же эти полосы на лице Ахилла казались наиболее примечательной его чертой. Мне однажды заметили: «Ты никогда не упоминаешь о его внешности». Так оно и есть – мне непросто это дается. Возможно, в то время он был самым красивым из живых людей – и определенно самым жестоким. В этом и была трудность. Как провести грань между красотой тигра и его свирепостью? Или между грацией гепарда и стремительностью его атаки? Вот так же и с Ахиллом – красота и ужас были двумя сторонами одной монеты.

Пока он играл, Патрокл сплетал кисти у подбородка и молча слушал или рассеянно гладил за ухом любимого пса, что сидел, глядя на хозяина, или лежал у его ног. Время от времени пес взвизгивал во сне, как будто гнался за воображаемым кроликом, и Патрокл улыбался. Ахилл поднимал глаза и смеялся,

а затем вновь погружался в игру.

Все песни были о бессмертной славе, о героях, погибших на поле брани или (куда как реже) вернувшихся домой с триумфом. Многие из этих песен я помнила с детства. Еще маленькой девочкой пряталась во дворе, хотя давно должна была спать, и слушала, как во дворце поют и играют на лирах. Примерно в том возрасте я думала, что эти волнующие сказания о доблести и приключениях открывали мне двери в мое будущее. Но я стала немного старше – в десять или одиннадцать лет, – и мир стал смыкаться вокруг меня, и я поняла, что песни предназначены моим братьям, а не мне.

Пленные женщины обычно выходили из хижин и садились у ступеней веранды послушать пение Ахилла. Его голос завораживал, и отзвуки песен разносились по всему лагерю. Но в конце концов песня затихала, и несколько мгновений никто не двигался с места и не прерывал молчания. Затем бревно в очаге выбрасывало сноп искр, Ахилл устремлял взор на Патрокла и улыбался.

Это был знак. Мы все поднимались. Патрокл с Ифис уходили. Я слышала, как они шепчутся в коридоре, и гадала, каково это все для нее. У нее отняли близких, отняли дом, и Патрокл был частью этого. Как она смогла полюбить его?

Ахилл принимался сбрасывать с себя одежду, но не спешил и то и дело возвращался к лире. Я лежала с закрытыми глазами и слушала, вдыхая запах смолы. Затем под веками темнело, и я уже знала, что он посыпал огонь пеплом. Еще через мгновение кровать прогибалась под его весом.

Не знаю, если бы я сумела сблизиться с ним, заговорить, быть может, у нас бы что-то и получилось. Но возможно – и даже более вероятно, – что любой отклик с моей стороны мог вызвать вспышку гнева. Это был тайный ритуал, который совершался в молчании и под покровом темноты. И вот я каждую ночь лежала под этим человеком – не вполне мужчиной, скорее капризным ребенком, – и молилась, чтобы все поскорее закончилось. А после, окоченелая, словно труп на погребальном костре, ждала, пока он не уснет, чтобы самой отвернуться к стене. И молилась о переменах. Каждое утро и каждую ночь я молила богов, чтобы моя жизнь изменилась.

8

Кажется, я первой в лагере увидела жреца.

Я вышла к морю и брела вдоль берега, пока не оказалась у кораблей Одиссея, выставленных на подмостках сразу за ареной. Остановилась, чтобы оценить пройденный путь, – и тогда увидела его, жреца. Он направлялся прямо ко мне, и по раскаленному песку за ним тянулся след валких шагов. Седовласый, покрытый пылью, он выглядел измотанным, словно провел в пути несколько дней, а то и недель. Его шатало из стороны в сторону, и ветер трепал складки его робы. В первый миг я приняла его за морехода, но затем увидела, что его посох увит красными лентами Аполлона, и одежды, пусть грязные и измятые, сработаны из лучшей шерсти.

Когда между нами оставалось всего несколько шагов, он замешкался, словно не знал, как обратиться ко мне. Его можно было понять: молодая девушка, в богатых одеждах, одна и без вуали… Если б он увидел меня в городе, то знал бы наверняка, кто я такая. В ту же секунду я прониклась к нему злобой. Да, старик, я из тех самых, хоть и не по своей воле.

– Дщерь, – начал он неуверенно. – Ты укажешь мне на стан Агамемнона?

Я повернулась и показала налево, но в этот момент между кораблями показался кто-то из воинов Одиссея и спросил старика, что ему нужно. Жрец ответил, что явился просить владыку Агамемнона принять выкуп и вернуть ему дочь. Я поняла, что он, должно быть, отец Хрисеиды. Воин отправился к жилищу Одиссея, чтобы доложить обо всем, и вскоре появился сам Одиссей.

Я со всех ног бросилась в стан Нестора и застала Гекамеду в ткацкой хижине. Пока я рассказывала об увиденном, станки один за другим замирали, и женщины собирались вокруг нас, чтобы обсудить появление жреца.

– Ему придется отпустить ее, – сказала Гекамеда.

– Едва ли, – возразила я. – Это Агамемнон – он никому и ничего не должен.

Весть о появлении жреца переходила из уст в уста. К тому времени, когда я пришла на площадь, она облетела весь лагерь. На арене уже толкались, возбужденно переговаривались мужчины.

Я оказалась на арене впервые с того раза, как войско преподнесло меня Ахиллу. Воспоминания о том дне были так ужасны, что я с трудом подавила в себе желание развернуться и уйти. Я была не единственной женщиной: Рица стояла под статуей Зевса, скрестив руки на груди. Я помахала ей, но мы стояли слишком далеко друг от друга, чтобы заговорить. Воины все прибывали, вытягивали шеи, пытаясь разглядеть, что происходит. Когда появился сам Агамемнон, поднялся одобрительный гул. Арену окружали статуи богов, и их обветренные, облупившиеся лики безучастно взирали на происходящее.

Я огляделась в поисках удобного места, откуда смогла бы смотреть поверх толпы. Краем глаза уловила движение. Это была Хрисеида; она стояла на вершине дюны, под искривленным деревом. Я поспешила к ней. Когда подошла ближе, то увидела, что одна сторона ее лица пылает красным, и глаз обильно слезится. Хрисеида прикладывала к этому месту краешек вуали, но ничего не сказала об увечье, поэтому я тоже промолчала. Просто обняла ее, и мы стояли, глядя поверх голов на арену. Хрисеида взяла мою руку, и по телу ее пробежала легкая дрожь, когда она увидела отца стоящим у портала.

* * *

Хрисеида впилась пальцами в мою руку. Ее седовласый отец, жрец Аполлона, вышел в центр арены, держа перед собой посох, увитый алыми лентами. Толпа мгновенно притихла. Налетел ветер, поднял столб пыли, но уже через пару мгновений пыль осела. Когда жрец заговорил, новый порыв ветра растрепал его седые волосы. Сначала он торжественно приветствовал Агамемнона, выразил надежду, что Аполлон и остальные боги даруют ему победу, что он разграбит город Приама и вернется домой с богатствами Трои…

– Только верни мне мою дочь.

После всех приветственных речей эта просьба повергла всех в смятение. Внезапно мы оказались в ином мире, где отеческая любовь к дочери значила больше, чем все награбленные сокровища. Но Агамемнон принес в жертву собственную дочь ради попутного ветра на Трою. Мною овладела тревога за

старика и за Хрисеиду. Мгновение казалось, что горе окончательно сломило жреца, но затем он нашел в себе силы продолжить. Он привез с собой богатый выкуп в трюме корабля, стоящего на якоре в гавани. Со слезами на глазах жрец молил Агамемнона принять дар.

– Прошу, владыка Агамемнон, позволь забрать ее домой.

Слезы старика всем запали в душу – равно как и размер выкупа. Сентиментальность и алчность – греки любили слезливые истории почти так же, как золото.

– Прими выкуп! – кричали они. – Верни несчастному дочь!

И затем, несколько запоздало:

– Почти богов!

Толпа пришла в возбуждение, заколыхалась, и воины гудели в унисон:

– Верни ее! Верни ее!

Агамемнон переговорил со своими советниками и поднялся. Гомон не стихал еще пару мгновений, но затем люди по краям толпы поняли, что царь собирается держать речь. Послышалось еще несколько разрозненных выкриков, и наступила тишина.

– Старик, – начал Агамемнон, не выказав ни капли уважения. – Забирай свой выкуп и убирайся. В этот раз я сохраню тебе жизнь, но если вновь увижу в стане, тебя не спасет твой посох. – Он оглядел своих притихших воинов. – Я не намерен возвращать тебе дочь. Остаток ее жизни пройдет в моем дворце, вдали от родины; она будет проводить дни за ткацким станком, а ночи – в моей постели, рожая мне детей, пока не станет беззубой старухой. А теперь уходи. Ни слова больше, просто уходи. И благодари, что остался цел.

В полной тишине жрец развернулся и пошел прочь. Посох волочился за ним, оставляя узкую борозду на песке. У портала он вновь оглянулся на Агамемнона, и его губы беззвучно шевелились. Однако старик был слишком напуган, чтобы

произнести хоть слово. Агамемнон уже не смотрел на него. Он говорил с людьми, что стояли подле него, улыбался и даже смеялся, довольный кратким мигом триумфа над слабым, несчастным старцем. Толпа стала неохотно расходиться, люди шли группами по несколько человек и тихо ворчали. Никому это не понравилось. Кажется, кое-кто даже творил знаки от дурного глаза.

Я боялась просто смотреть на Хрисеиду, но понимала, что должна.

– Беги.

Она уставилась на меня, еще не в состоянии понять.

– Ступай, беги. Наверное, он пошлет за тобой.

Я в этом не сомневалась. Он просто не сможет отказаться от триумфального соития. Ее скорбь из-за разлуки с отцом ничего для него не значила.

Хрисеида развернулась и припустила, словно молодая лань, между хижинами. Я же направилась к стану Ахилла. Воины всё разбредались по лагерю, толпились в проходах, так что я решила пройти вдоль берега. И там снова увидела старца: он тяжело ступал по засохшим водорослям, с трудом волоча ноги по песку, и вокруг него поднималась пыль. Несчастный стенал на ходу, вознося молитвы Аполлону. Я двинулась за ним – не намеренно, просто мой путь лежал в ту же сторону. Когда арена осталась позади и Агамемнон уже не мог его услышать, жрец возвысил голос и воздел над головой посох и алые ленты, как если бы вновь оказался в своем храме и стоял на ступенях алтаря.

Владыка света, услышь меня!

О сребролукий, услышь меня!

Голос его нарастал и креп, и вот старик уже кричал в небеса.

Мне было жаль несчастного, и вместе с тем внутри меня росло раздражение. Если бы боги вняли нашим мольбам, то Лирнесс устоял бы. А мы молились истово, со всем отчаянием…

Но я продолжала наблюдать за ним, как он спотыкается и нараспев произносит молитвы.

Владыка Тенедоса, услышь меня!

Повелитель Сциллы, внемли мне!

Если приносил я тебе в жертву коз и тельцов,

Отмсти своего служителя!

Я уже и не надеялась, что мои собственные молитвы будут услышаны – не было такого бога, который внимал бы просьбам рабов. И все же старик поразил меня. Море и небо вокруг него потемнели, а он все продолжал распевать гимны, именуя Феба совсем уж не знакомыми мне эпитетами.

О Сминфей, услышь меня!

Дидимей, издалека разящий, внемли мне!

Повелитель мышей, отмсти меня!

Повелитель мышей? Я и позабыла – если вообще знала, – что Аполлон повелевал мышами, этими маленькими пушистыми созданиями – но не потому, что любил их. Внезапно я догадалась, чего добивается старец своими мольбами. Мыши, подобно крысам, разносили мор, и Аполлон, повелитель света, покровитель муз, бог-целитель – был также богом поветрий.

Мольбы об отмщении возносились к небесам, и я, сама того не сознавая, стала повторять за жрецом:

Повелитель мышей, отмсти за меня!

О сребролукий, внемли мне!

Стреловержец, услышь меня!

И, наконец, запретные слова, подобно желчи, изверглись из моих уст:

Повелитель поветрий, услышь меня!

9

Ничего не произошло. Ну разумеется! Разве происходит что-то иное, когда мы возносим молитвы богам?

Следующим утром воины, как обычно, собрались еще до рассвета. Под грохот мечей о щиты Ахилл впрыгнул в колесницу и дал сигнал выдвигаться. Когда они ушли, когда стук щитов и крики стихли, лагерь показался брошенным, предоставленным на попечение женщин и детей да горстки седовласых мужчин, оставленных стеречь корабли.

Я застала Хрисеиду за ткацким станком, но, когда она увидела меня, то бросила свое занятие и предложила мне чашу вина. Глядя на нее, я заметила, что движения ее более скованны, чем накануне. Несчастная Хрисеида, она не знала ни одного приема, к каким прибегали женщины вроде Юзы, чтобы умерить аппетит мужчины. Я сама познала не так много хитростей, но Хрисеида не знала ничего, принужденная лечь с Агамемноном девственницей, почти еще ребенком. Впрочем, стоит отметить, что она стойко держалась, искала утешения в служении Аполлону и по временам обращалась к горшку с гусиным жиром.

Помню, когда Рица выразила свое сострадание к Хрисеиде, Юза насмешливо фыркнула.

– А мне не жаль ее, – сказала она. – Если женщина знает, что к чему, то все закончится прежде, чем он приблизит к тебе член.

– Что значит «знает, что к чему»? – возмутилась Рица. – Ей пятнадцать!

– Мне было двенадцать.

Бедная Хрисеида… Агамемнон просто не мог ею насытиться. А какая девушка не зарделась бы от гордости, узнай она, что ее любит или хотя бы желает один из самых могущественных людей Греции? Но только не Хрисеида – она была безутешна и думала лишь о возвращении к отцу. Она говорила мне, что хотела стать жрицей Аполлона, что отец готовил ее, и ей все давалось. Фанатично

преданная, она возносила молитвы четыре раза на дню: с восходом, в полдень, на закате и перед рассветом, моля бога о возвращении. Аполлон светоносный, Аполлон, бог врачевания, был одновременно и богом поветрия. Хрисеида как-то предложила мне присоединиться к ее полуденным молитвам, но я отказалась под благовидным предлогом. Хоть я и молилась Аполлону – и молилась истово, – все же мои молитвы требовали уединенности.

Повелитель мышей, услышь меня…

Я возвращалась в стан Ахилла по твердой песчаной полосе между морем и кораблями.

Владыка света, услышь меня!

Слова беззвучно слетали с моих уст. Я медленно опускалась во тьму, и это зашло слишком далеко, чтобы позволить себе величать Аполлона повелителем света. Вместо этого я отбивала себе ладонь кулаком.

Повелитель мышей, услышь меня…

О сребролукий, внемли мне!

Дидимей, издалека разящий, внемли мне!

Море в те дни было непривычно спокойным, с белесым отливом на поверхности. Волны накатывали на берег и желтоватой пеной вскипали среди мусора, а затем впитывались в песок. Нечто зловещее крылось в этом спокойствии – так бывает за пару минут перед штормом. Я оглядывалась на корабли, на хижины и тлеющие костры, и меня охватывало тяжелое предчувствие.

Под безучастным взором богов я пересекла арену и пошла по тропе через дюны. Эта тропа пролегала через весь лагерь, огибая внушительную кучу отбросов. Не лучшее место, особенно знойным днем. И хотя небо было затянуто облаками, жара стояла невыносимая. Зловоние, мириады черных мух, пот, стекающий по телу, – все это вместе вызывало во мне приступы омерзения. И вместе с тем часть меня тянуло соприкоснуться с этой гнилью, с разложением. Я словно чувствовала, что мое место здесь, среди этих отбросов. В тот миг я не винила в том, что стало со мной, ни Ахилла, ни греков, ни даже войну. Я винила себя.

Когда я проходила мимо помойки, то заметила крысу, копошащуюся в куче отбросов. В этом лагере еда потреблялась в немыслимых количествах, ведь никому не приходило в голову растить пшеницу или пасти скот. Этим объяснялись и размеры местных крыс – я нигде не видела таких холеных и упитанных, как там. Они то и дело попадались на глаза, но обычно прятались при появлении людей. Только не эта. И вообще она вела себя как-то странно, бегала кругами… Я подошла ближе. Шерстка у крысы, обычно черная и лоснящаяся, была встрепана и торчала клоками. Я пошла дальше, но что-то заставило меня обернуться, и в этот миг крыса завизжала. Кровь хлынула из ее рта, она завалилась набок и с минуту каталась в агонии, потом снова заверещала и издохла.

Эта крыса оказалась не единственной, были еще: все на открытом пространстве, и ни одна не пыталась убежать. И чем внимательнее я присматривалась, тем больше их замечала. Маленькие вздутые тушки лежали повсюду среди отбросов. Я даже чуть не наступила на одну, а когда взглянула на нее, то увидела личинок под шкурой. По всей видимости, это происходило уже какое-то время. Я развернулась и побежала прочь. Задыхаясь, преодолела последнюю сотню шагов до ворот. Ввалилась в женскую хижину, еще потрясенная увиденным, но никому не стала говорить об этом. В самом деле, о чем там было рассказывать? Несколько дохлых крыс… Разве это стоит упоминания?

Но я думала о них, пока приготавливалась к ужину, как всегда, уделяя пристальное внимание своей наружности. Одержимость Ахилла моим запахом не дарила мне спокойствия, скорее наоборот. Это произошло так внезапно, и я чувствовала, что все может перемениться так же стремительно. Поэтому старалась хотя бы на людях являть собою то, что Ахилл желал видеть, – живое свидетельство его заслуг как величайшего из греков.

Во время трапезы в зале было знойно, воздух даже обжигал при вдохе. Разгоряченные тела, пламя факелов и даже запах жареного мяса как будто сгущали воздух. Разговоры по-прежнему крутились вокруг Агамемнона и жреца. Никому это не понравилось. Никто этого не понимал. Выкуп, подобный этому, за девчонку – он отказался от него? Он выжил из ума? Даже Ахилл, когда я наклонилась налить ему вина, говорил об отказе Агамемнона.

– Почему он не принял выкуп? Он, самый алчный из живущих…

– Может, он любит ее, – предположил Патрокл.

– Любит… Старый кобель не знает, что такое любовь.

«А ты знаешь?» – подумала я.

Понемногу я научилась видеть в мужчинах личные черты – в большинстве своем они оказывались вполне сносными, но были исключения. Мирон, тучный мужчина средних лет, с копной вьющихся черных с проседью волос. Полагаю, когда-то он бывал в сражениях, но это осталось в прошлом. Теперь Мирон надзирал за состоянием кораблей. И дело это требовало большой ответственности: Ахилл часто совершал набеги на прибрежные города, и флот следовало содержать в полной готовности. Я замечала подгнившие снасти на других кораблях, а как-то раз даже увидела незаделанную пробоину в корпусе. Но в стане Ахилла вы не увидели бы ничего подобного. Его корабли в считаные часы могли выйти в море. Мирон скрупулезно исполнял свои обязанности. И он был из тех, к кому я испытывала неприязнь – личную неприязнь, – и только потому, что он чаще других бросал на меня грязный, похотливый взгляд. Конечно, он ничего не говорил – просто не осмелился бы, – но, когда я наклонялась к нему, таращился на мои груди и тихо причмокивал, так, словно предвкушал сладкий вкус вина.

В ту ночь я наполнила кубок Мирона – торопливо, как обычно, потому что не могла находиться рядом с ним, – и, когда отступила, обратила внимание на его тунику. Ту самую, что я соткала для отца. Я закончила ее за пару дней до того, как меня доставили в паланкине во дворец моего будущего супруга. Вышивка на спине была не так искусна – я никогда не отличалась особыми умениями в рукоделии, – но в каждый стежок я вложила всю свою любовь. Конечно, такое происходило и прежде: в первый же день я заметила на столе золотое блюдо из дворца. Но на сей раз это задело лично меня. Я посмотрела на мясистую шею Мирона, и вновь слова молитвы сорвались с моих уст:

Повелитель мышей, услышь меня!

О сребролукий, внемли мне!

Дидимей, издалека разящий, внемли мне!

Повелитель поветрий, услышь меня!

Жара донимала всех. Во время трапезы то и дело вспыхивали ссоры, одна и вовсе переросла в драку. Даже Патрокл, обычно такой сдержанный, растаскивая дерущихся, ударил одного по лицу, а второго швырнул в стену. После этого повисло тяжелое молчание, и трапеза окончилась без привычного пения.

Даже с наступлением ночи небо мерцало желтым и словно довлело над лагерем, удерживая зной, подобно крышке на котле. После того как убрали блюда, я сидела в кладовой и ждала. Ифис уже с утра страдала животом, как и многие в лагере. Было непривычно тихо – ни звуков музыки, ни голосов в соседней комнате. Спустя некоторое время, озадаченная затянувшимся молчанием и утомленная от духоты и зноя, я вышла наружу и застала Патрокла, одиноко сидящего на веранде.

Я сразу подалась назад, однако Патрокл жестом предложил мне сесть рядом. «Ахилл пошел искупаться», – сказал он. Что-то в его голосе заставило меня повернуться к нему. Я видела белки его глаз и слабые отблески на зубах, когда он улыбался. Тьма укрывала лагерь – ни луны, ни звезд не горело в небе. Кое-где догорали костры, но никто не хотел сидеть у огня в такую жару. В отдалении, подобно сиянию иного мира, мерцали огни Трои.

Казалось бы, приятно сидеть вот так теплым вечером на веранде, но пот скапливался в каждой складке на коже, и не было прохладного бриза, который избавил бы от этой муки. Перед лицом кружили громадные черные насекомые – не мотыльки, не знаю, что это было, – и приходилось постоянно отмахиваться. Запах гнили с помойки забирался в каждый угол и ощущался даже на языке. Я завидовала Ахиллу, но не могла на глазах у Патрокла отправиться вслед за ним к морю. Хоть меня и несколько озадачило, почему он не пошел с Ахиллом. Возможно, тот пожелал побыть один… За трапезой он был на редкость молчалив и лишь раз язвительно отозвался об Агамемноне.

Мы сидели бок о бок и молчали – в самом деле, о чем нам вообще говорить, сиятельному Патроклу и подстилке Ахилла? И это еще самое лестное прозвание тому, чем я была. Но жара, тишина и ночная тьма как будто стирали эти преграды. Я услышала собственный голос:

– Почему ты всегда так добр ко мне?

Поначалу я решила, что он не собирается отвечать, что я преступила черту дозволенного. Но затем Патрокл произнес:

– Потому что я знаю, каково это – потерять все и оказаться игрушкой в руках Ахилла.

Его честность огорошила меня. И в то же время я подумала: «Откуда тебе знать? При всех твоих привилегиях и могуществе как ты можешь ставить себя на мое место?» Я спросила об этом вслух? Сомневаюсь. Но, возможно, вопрос сам собой возник в пространстве между нами. Или так, или же Патроклу нужно было выговориться.

– В десять лет я убил мальчика, – начал он. – Я не хотел этого делать, он был моим лучшим другом. Но мы повздорили, когда играли в кости. Он сказал, что я жульничаю, я сказал, что нет; слово за слово, и я ударил его. Он упал, и я решил, что на этом всё, и пошел было прочь. А он вскочил и ударил меня головой – сломал мне нос, – тут Патрокл коснулся приплюснутой переносицы. – Мне было так больно, что я потерял рассудок. Я просто схватил камень с земли и ударил его. Я думал, что ударил лишь раз, – помню только один удар. Но все было не так: нас видели другие мальчишки, и они говорили, что я бил его непрестанно. Наверное, так оно и было, потому что его лицо превратилось в месиво. Когда меня оттащили, он был уже мертв. Само собой, это было убийство. Его отец был могущественным человеком. Поэтому меня изгнали, увезли к Пелею, отцу Ахилла. И не просто на несколько месяцев – меня изгнали навсегда. И там я встретился с Ахиллом. – Он безучастно смотрел прямо перед собой. – Сомневаюсь, что видел кого-то более жалкого – ну когда не смотрел в зеркало. Его как раз покинула мать… – Он помедлил. – Ты знаешь, что она морская богиня?

Я кивнула.

– Она была несчастна в браке. И в один из дней просто ушла в море. Она и раньше уходила, постоянно так делала, но в этот раз не вернулась. Ахилл отказывался есть, не играл с другими детьми. Кажется, он даже расти перестал. Сложно поверить, но когда я впервые увидел его, он был маленьким заморышем. Пелей уже не знал, что делать, и я пришелся очень кстати, поскольку должен был стать Ахиллу другом. – Он рассмеялся. – Но это и мне пошло в прок.

– Каким образом?

– Он утешил меня.

– Пелей?

– Нет, Ахилл. Понимаю, в это трудно поверить…

Где-то в отдалении послышалось пение, но быстро смолкло. Я почувствовала, что Патрокл смотрит на меня в темноте.

– Ты за всеми наблюдаешь, верно?

Я покачала головой.

– Я вижу.

Мне стало не по себе от осознания, что мой взгляд не укрылся от других.

– И я иногда слышу, как ты плачешь…

– Иногда трудно сдержаться. Женщинам. Уверена, ты никогда не плакал.

– Каждую ночь в течение года.

Патрокл произнес это так легко, что сложно было понять, говорил он серьезно или нет. Я кивнула в сторону пляжа.

– А он долго…

– Возможно, она там.

Я не сразу поняла.

– Ты про его мать? Она по-прежнему приходит к нему?

– О да.

И снова эта странная интонация. Что это, горечь в его голосе? Я представила Ахилла стоящим на берегу, вспомнила его дикую, нечленораздельную речь, из которой я поняла – или думала, что поняла – лишь одно слово: мама, мама. Каково же это – любить человека, подобного ему?

– Ты сожалеешь?

– Что рос сводным братом Ахилла? Вовсе нет. Я раскаиваюсь в убийстве своего друга, но… Нет, они были очень добры ко мне.

Патрокл погрузился в молчание и просидел так пару минут, после чего хлопнул себя по коленям.

– Пожалуй, надо сходить к пляжу, посмотреть, что он там творит.

– Почему ты так о нем тревожишься?

– Привычка, – ответил он, поднимаясь. – Ты ведь знаешь, что Ахилл…

Я ждала, что Патрокл продолжит, однако он лишь улыбнулся и ушел.

Теперь я могла вернуться к женским хижинам, но после этого разговора вряд ли смогла бы усидеть на месте. Поэтому решила пройтись немного по тропе, ведущей к морю. Сердце по-прежнему учащенно билось, и я не знала, почему. Я вышла на пляж в том месте, где ручей струился сквозь гальку и впадал в море. Ахилл и Патрокл стояли в отдалении, у самой линии прилива. Я была слишком далеко, чтобы слышать их разговор, но по жестам казалось, будто они спорили. Вот Ахилл отвернулся, и Патрокл схватил его за руку и вновь развернул к себе. Мгновение они стояли, глядя друг на друга, затем Ахилл подступил ближе и уперся лбом в голову Патрокла. Долгое время они стояли так, неподвижно, не произнося ни слова.

Я отступила в тень, понимая, что увидела нечто сугубо личное, чему не должна быть свидетелем. Многие считали Ахилла и Патрокла любовниками. Об их отношениях всегда ходили сплетни: Агамемнон, в частности, не мог оставить их

в покое, и Одиссей был ненамного лучше. Но то, что я видела в ту ночь на берегу, было выше плотской близости и, возможно, даже выше любви. Я не могла постичь этого тогда – и не уверена, что постигла теперь, – но осознала его силу.

11

Следующим утром, когда я шла через дюны увидеться с Гекамедой, среди отбросов лежали сорок семь дохлых крыс. Я сосчитала всех.

По-прежнему стоял безжалостный зной. Воины возвращались с поля битвы бледные, изможденные, готовые броситься друг на друга или, что вероятнее, выместить злобу на рабах. Следовало незамедлительно подавать еду и питье, наполнять горячие ванны. Я опускала глаза, пока прислуживала за трапезой, и чувствовала отвращение ко всем. Я даже избегала смотреть на Патрокла, потому что стыдилась своей симпатии к нему. Вместо этого направляла внимание на воинов, склонившихся над своими тарелками, как свиньи над корытом. Мирон снова надел тунику моего отца, он как будто влюбился в нее. Когда я склонилась через его плечо наполнить ему кубок, он провел мясистым языком по губам, и кровь застучала у меня в висках. Слова эхом разнеслись в сознании: «Повелитель мышей, услышь меня, о сребролукий, услышь меня…» Не знаю, как я пережила тот вечер, но я пережила.

* * *

Следующим утром, когда я проходила помойку, дохлых крыс оказалось слишком много, чтобы сосчитать их.

Мы знали, что они наводнили лагерь. А как иначе, если изводилось столько мяса и пшеницы и кругом валялось столько объедков? По ночам слышно было, как крысы копошатся и пищат под полом. Обычно днем их распугивали бродячие собаки, но не в этот раз. Казалось, они потеряли всякий страх и выползали из-под хижин, чтобы издохнуть на открытом пространстве, и всякий раз в жуткой агонии, с дикими воплями и фонтаном крови. Собаки не могли поверить своему счастью: столько крыс и даже не нужно их ловить… Но их было слишком много,

и вскоре черные тушки усеивали все тропы. Воины отбрасывали их ногами под хижины, где они раздувались и испускали зловоние.

Мирон был в бешенстве. Он отвечал не только за состояние кораблей, но также и за порядок в лагере. Каждая крыса, что выбиралась на открытое пространство, подыхала на его тропах или – что еще хуже – на его верандах. Конечно, у него хватало людей, чтобы убирать их, но занятно было видеть, как он сам подбирает черные тушки, словно не мог вынести одного их вида. И всякий раз, отправив крысу в мешок, который всегда носил при себе, брезгливо отирал руки о тунику моего отца, а затем проводил по губам тыльной стороной ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/barker_pet/bezmolvie-devushek

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить